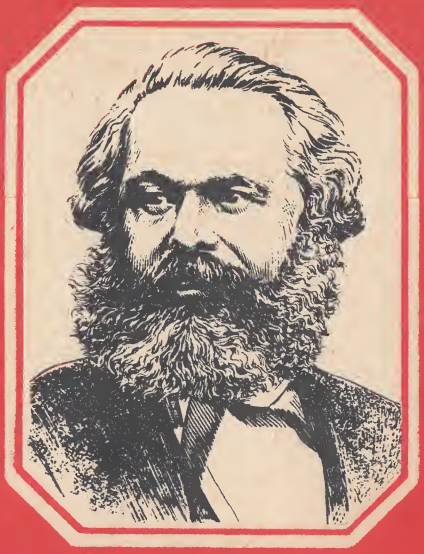


ВОСПОМИНАНИЯ О МАРКСЕ

ЖЕНЫ, ДОЧЕРИ И ВНУКА

80 коп.

08

ГОСПОЛИТИЗДАТ · 1958

ВОСПОМИНАНИЯ О МАРКСЕ

ЖЕНЫ, ДОЧЕРИ И ВНУКА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва . 1958

ЖЕННИ МАРКС

БЕГЛЫЙ ОЧЕРК БЕСПОКОЙНОЙ ЖИЗНИ [1]

19 июня 1843 года состоялась наша свадьба.

Мы уехали из Крейцнаха через Эбернбург в Пфальц и возвратились через Баден-Баден обратно в Крейцнах, где и оставались до конца сентября. Моя дорогая мама с братом Эдгаром вернулись обратно в Трир. Карл и я в октябре приехали в Париж, где нас встретили Гервег и его жена.

Здесь Карл и Руге издавали «Deutsch-Französische Jahrbücher» («Немецко-французский ежегодник»). Издателем был Юлиус Фрёбель. Журнал перестал выходить после первого же номера. Мы жили на улице Вано в предместье Сен-Жермен и общались с Руге, Гейне, Гервегом, Мёйрером, Толстым, Бакуниным, Анненковым, Бернайсом и tutti quanti [2]. Было много сплетен и ссор из-за пустяков. 1 мая 1844 года родилась Женнихен. В день похорон Лаффита я в первый раз вышла из дому, а затем, шесть недель спустя, в почтовой карете поехала в Трир со смертельно больным ребенком...

В сентябре в сопровождении кормилицы-немки я возвратилась в Париж с Женнихен, у которой было уже четыре зуба. Во время моего отсутствия Карла посетил Фридрих

[1] Автобиографические заметки Женни Маркс, относящиеся к 1865 г., дошли до нас в незавершенном виде. Рукопись находилась в семейном архиве Лонге и после смерти внука Маркса Эдгара Лонге (в 1950 г.) была передана Институту марксизма-ленинизма при ЦК КПСС Центральным Комитетом Французской коммунистической партии. *Ред.*

[2] — многими другими. *Ред.*

Энгельс. Осенью и зимой Карл работал над «Критикой критической критики», которая была опубликована во Франкфурте [1]. Гесс и его жена, Эвербек и Риббентроп, и в особенности Гейне и Гервег, составляли наш круг. Вдруг, в начале 1845 года, к нам явился полицейский комиссар и предъявил приказ о высылке, изданный Гизо по наущению прусского правительства. Приказ гласил: «Карл Маркс должен покинуть Париж в течение 24 часов». Мне лично был предоставлен более длительный срок, который я использовала для того, чтобы продать мебель и часть белья. Продавать пришлось за бесценок, так как на переезд нужны были деньги. На два дня меня приютили Гервеги. В начале февраля, больная, в страшный холод, я последовала за Карлом в Брюссель. Здесь, остановившись в отеле Буа Соваж, я впервые познакомилась с Гейнценом и Фрейлигратом. В мае мы поселились на улице Альянс, за воротами Сен-Лувен, в маленьком домике, который сняли у д-ра Брёйера.

Едва мы там устроились, как вслед за нами приехал Энгельс. Здесь же был Генрих Бюргерс, который со своим другом д-ром Роландом Даниельсом разыскал нас еще в Париже. Вскоре после этого приехал также Гесс с женой; некий Себастьян Зейлер тоже присоединился к маленькому немецкому кружку. Он организовал корреспондентское бюро, и маленькая немецкая колония жила здесь довольно хорошо. К нам присоединилось еще несколько бельгийцев, в том числе Жиго, и несколько поляков. Здесь, в одном из чистеньких кафе, которые мы посещали по вечерам, я впервые познакомилась со старым Лелевелем в его синей блузе.

Энгельс в течение лета работал с Карлом над критикой немецкой философии — внешним толчком к этому послужило появление книги «Единственный и его собственность» [2]. Результатом этой работы явился обширный труд, который должен был выйти в Вестфалии [3]. Весной нас впер-

---

[1] «Святое семейство, или Критика критической критики. Против Бруно Бауэра и компании» (см. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Сочинения, 2 изд., т. 2, стр. 3—230). *Ред.*

[2] Книга Макса Штирнера «Der Einzige und sein Eigenthum» («Единственный и его собственность») вышла в свет в конце 1844 года. *Ред.*

[3] Имеется в виду «Немецкая идеология», которую Марксу и Энгельсу не удалось напечатать. Впервые это произведение было полностью опубликовано Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС в 1932 году. *Ред.*

вые посетил Иосиф Вейдемейер. Некоторое время он гостил у нас. В апреле моя дорогая мама в помощь мне прислала в Брюссель свою собственную преданную служанку. С ней и с четырнадцатимесячной Женнихен я опять уехала к моей милой матери. У нее я пробыла шесть недель и за две недели до рождения Лауры снова вернулась в нашу маленькую колонию. 26 сентября появилась на свет Лаура. Мой брат Эдгар провел с нами зиму в надежде найти в Брюсселе работу. Он поступил в корреспондентское бюро Зейлера, куда позднее, весной 1846 года, вошел и наш дорогой Вильгельм Вольф. Последний, известный под именем «Казематный Вольф», бежал из силезской крепости, в которой он просидел 4 года за нарушение законов о печати. Он пришел к нам, и тогда возник тот тесный дружеский союз, который прекратился лишь со смертью нашего дорогого Лупуса в мае 1864 года. Зимой нас навещали Георг Юнг и д-р Шлейхер...

Между тем грозовые тучи революции сгущались все больше и больше. Мрачно было и на бельгийском горизонте. Власти опасались прежде всего рабочих, социальной стихии народных масс. Полиция, войска, гражданская гвардия — все было призвано на защиту, все находилось в боевой готовности. Тогда немецкие рабочие решили, что настало время и им взяться за оружие. Были приобретены кинжалы, револьверы и т. д. Карл охотно предоставил для этого деньги; ведь он только что получил свою долю наследства. Во всем этом правительство видело заговор, преступный замысел: Маркс получает деньги и покупает оружие, значит его нужно удалить. Поздно ночью в наш дом врываются два человека. Они требуют Карла. Когда он вышел, они представились как сержанты полиции, имеющие предписание арестовать Карла и привести его на допрос. Ночью они его забирают. В ужасе я бегу вслед за ним, разыскиваю влиятельных лиц, чтобы узнать, в чем дело. Бегу темной ночью из дома в дом. Вдруг меня хватает стража, арестовывает и бросает в мрачную тюрьму. Это было место, куда помещали бездомных нищих, безродных бродяг, несчастных падших женщин. Меня вталкивают в темную камеру. Рыдая, я вхожу, и тут одна из несчастных жертв предлагает мне свое ложе. Это были жесткие деревянные нары. Я опускаюсь на них. Когда забрезжило утро, я увидела у противоположного окна за железной решеткой мертвенно

бледное, печальное лицо. Подхожу к окну и узнаю нашего доброго старого друга Жиго. Увидев меня, он стал делать знаки и указал на помещение внизу. Я посмотрела туда и обнаружила Карла, которого как раз в это время вели под военным конвоем. Час спустя меня повели к судебному следователю. После двухчасового допроса, во время которого они у меня мало что выведали, жандарм проводил меня к карете, и под вечер я приехала к моим трем бедным малюткам. Этот случай произвел большую сенсацию. Все газеты писали о нем. Сам Карл вернулся из-под ареста несколько позже, с предписанием тотчас же покинуть Брюссель.

Карл уже раньше намеревался возвратиться в Париж и с этой целью обратился к временному правительству Франции, чтобы отменили изданный Луи-Филиппом приказ о его высылке. Он тотчас же получил подписанное Флоконом письмо, в котором временное правительство в самых лестных выражениях сообщало об отмене приказа. Таким образом, Париж снова был открыт для нас; где могли бы мы чувствовать себя тогда лучше, чем под только что засиявшим солнцем новой революции! Туда, твердили мы, туда! Я поспешно уложила свои вещи, продала то, что можно было продать, но чемоданы со всем моим серебром и лучшим бельем оставила в Брюсселе на попечение книготорговца Фёглера, который при моем отъезде проявил особую услужливость и готовность помочь.

Так мы уехали из Брюсселя после трехлетнего пребывания там. Был очень мрачный, холодный день, и нам стоило многих усилий согреть маленьких детей, младшему из которых едва исполнился год...

* * *

В конце мая[1] Карл выпустил последний номер «Neue Rheinische Zeitung» («Новой рейнской газеты»), напечатанный красным шрифтом. Это был знаменитый «красный номер», пылающий факел по форме и содержанию. Энгельс тотчас же примкнул к баденскому восстанию, в котором он принял участие как адъютант Виллиха. Карл решил на не-

[1] — 1849 года. *Ред.*

которое время снова уехать в Париж, так как пребывание на немецкой земле стало для него невозможным [1]. Красный Вольф последовал за ним. Я сама отправилась с тремя малышами через Бинген на мою милую старую родину в объятья моей дорогой матери. Из Бингена я ненадолго заехала во Франкфурт-на-Майне, чтобы снова превратить в звонкую монету только-что выкупленную из брюссельского ломбарда серебряную посуду. Вейдемейер и его жена приняли меня самым сердечным образом и очень помогли мне в этой ломбардной операции. Таким образом я снова добыла денег на поездку.

Карл в сопровождении Красного Вольфа уехал в Пфальц и оттуда в Париж, где вскоре после этого демонстрация 13 июня, организованная Ледрю-Ролленом, положила конец мимолетным революционным грезам. Реакция проявлялась повсюду в своем самом зверском обличии. Венгерская революция, баденское восстание, революционное движение в Италии — все потерпело поражение; в Венгрии и в Бадене свирепствовали военно-полевые суды, и 50 000 французов во время президентства Луи Наполеона, избранного на этот пост в конце 1848 года огромным большинством голосов, вступили в «город на холмах», чтобы оккупировать Италию [2]. «L'ordre règne à Varsovie» и «vae victis» [3] — таков был пароль опьяненной победой контрреволюции. Буржуазия вздохнула свободно, мелкая буржуазия снова делала гешефты, мелкие либеральные филистеры показывали кулаки в кармане, рабочих высылали, подвергали репрессиям, а люди, которые пером и мечом боролись за установление царства бедных и угнетенных, были счастливы, если им удавалось на чужбине заработать себе на хлеб.

Карл во время своего пребывания в Париже завязал связи со многими руководителями клубов и тайных рабочих организаций. В июле 1849 года я последовала за ним в Париж, где мы пробыли месяц. Но даже и здесь нам не

---

[1] Воспользовавшись тем, что Маркс в 1845 г. вышел из прусского подданства, правительство выслало его в мае 1849 г. из Пруссии как «иностранца», нарушившего «право гостеприимства». *Ред.*

[2] Речь идет об интервенции французских войск в 1849 г. против Римской республики с целью восстановления светской власти папы. *Ред.*

[3] — «Порядок царит в Варшаве» и «горе побежденным». *Ред.*

давали покоя. В один прекрасный день к нам снова явилась знакомая фигура полицейского сержанта с предписанием: «Карл Маркс и его жена должны покинуть Париж в течение 24 часов». Ему еще оказали милость, предложив Ванн в Морбиане в качестве прибежища. На подобную ссылку мы, конечно, не согласились, и я опять уложила свой небольшой багаж, чтобы найти в Лондоне надежное и спокойное пристанище.

Карл уехал в Лондон раньше меня. Там он жил в тесном общении с Блиндом. Позднее туда прибыл также Георг Веерт. Он встретил меня, когда я приехала в Лондон, больная, изможденная, с тремя измученными крошками, и устроил меня у одного портного на Лестер-сквере в маленьких меблированных комнатах. Спешно была найдена более просторная квартира в Челси, так как приближалось время, когда требовалось спокойное убежище. 5 ноября,— в то время как на улицах раздавались возгласы «Да здравствует Гай Фокс» [1], и мальчишки в причудливых масках разъезжали по улицам на искусно сделанных ослиных чучелах,— во время этого шума и гама родился мой бедный маленький Генрих. В честь великого заговорщика наш маленький пришелец был назван Фоксиком. Вскоре после его рождения к нам приехал бежавший из Бадена через Геную Энгельс. Еще до него прибыл Виллих и сразу обосновался у нас, обращаясь с нами за панибрата. Рано утром он являлся в нашу спальню вылитым Дон-Кихотом, в серой шерстяной фуфайке, с красным платком, обвязанным вокруг талии вместо пояса, гогоча как истый пруссак, с намерением начать длиннейшие теоретические дебаты о столь «естественном» коммунизме. Карл живо обрывал эти попытки... В Челси к нам впервые пришли также В. Пипер и В. Либкнехт. Красный Вольф отправился в Лондон еще вместе с Карлом.

Ежедневно в Лондон прибывали тысячи эмигрантов, все они испытывали бо́льшую или меньшую нужду, лишь немногие были обеспечены, все они были беспомощны, жаждали и искали поддержки. Это был самый неприятный период в

---

[1] 5 ноября — ежегодно отмечавшийся в Англии день «порохового заговора»; в этот день заговорщики, одним из которых был Гай Фокс, намеревались взорвать здание парламента вместе с членами обеих палат и королем. *Ред.*

нашей эмигрантской жизни. Для оказания поддержки эмигрантам были организованы эмигрантские комитеты, проводились собрания, издавались обращения, вырабатывались программы, подготовлялись массовые публичные выступления. Во всех эмигрантских кругах начались раздоры. Различные партии мало-помалу полностью разошлись друг с другом. Между немецкими демократами, с одной стороны, и социалистами, с другой, дело также дошло до официального разрыва, и даже среди рабочих-коммунистов произошел грандиозный раскол. Вожди фракций враждовали друг с другом самым ожесточенным образом, и клика, состоящая из всякого мелкобуржуазного сброда, одержимая стремлением к «подвигам» и «действиям», назойливо лезла вперед и злобно нападала на ту часть рабочих и на тех вождей, которые яснее разбирались в обстановке и уже тогда видели, что эра революций надолго закончилась. Больше всех преследовали Карла; на него клеветали, его поносили особенно злостно. К этому времени относится дуэль между Конрадом Шраммом и Августом Виллихом.

Уже осенью 1849 года Карл начал вести переговоры в Германии относительно издания в Гамбурге «Revue», редакция которого находилась бы в Лондоне. После бесконечных мытарств появилось 6 номеров журнала под названием «Neue Rheinische Zeitung. Politisch-ökonomische Revue» («Новая рейнская газета. Политико-экономическое обозрение»). Успех этого «Revue» был очень велик, но книготорговец, подкупленный германским правительством, вел деловую часть так плохо и небрежно, что вскоре стала очевидной невозможность продолжения этого предприятия.

Весной 1850 года мы были вынуждены покинуть наш дом в Челси. Мой бедный маленький Фоксик постоянно болел; множество каждодневных житейских забот очень подтачивали и мое здоровье. Притесняемые со всех сторон и преследуемые кредиторами, мы переехали на неделю в одну немецкую гостиницу на Лестер-сквер, но наше пребывание здесь было непродолжительным. Однажды утром наш любезный хозяин отказался подать нам завтрак, и мы вынуждены были искать себе другое жилище. Небольшая помощь моей матери часто спасала нас от самой горькой нужды. В доме одного еврея, торговца кружевами, мы нашли две комнатки, в которых мучились с нашими четырьмя детьми все лето.

Осенью того же года Карл со своими ближайшими друзьями окончательно порвал с эмигрантщиной и больше не принимал участия ни в одном из ее выступлений. Он и его друзья вышли из Просветительного рабочего общества... Энгельс, после тщетных попыток достать в Лондоне обеспечивающую его литературную работу, уехал в Манчестер и поступил на весьма невыгодных условиях конторским служащим на фабрику своего отца. Все остальные наши друзья пытались зарабатывать на жизнь уроками и т. д. Этот и следующие два года были для нас годами величайших житейских забот, постоянной изнуряющей тревоги, всевозможных тяжких лишений и даже настоящей нужды.

В августе 1850 года, несмотря на очень плохое состояние здоровья, я решилась оставить моего больного ребенка и поехать в Голландию к дяде Карла в надежде найти там утешение и поддержку. Я ожидала рождения пятого ребенка и с отчаянием смотрела в будущее. Дядя, обозленный на революцию и на революционеров за неблагоприятное влияние революции на его дела и дела его сыновей, находился в отвратительном настроении. Он отказал мне во всякой помощи, но при расставании сунул в руки подарок для моего младшего ребенка, и я увидела, как ему было больно оттого, что он не может мне дать больше. Старик не подозревал, с какой тяжестью в сердце я расставалась с ним. Домой я вернулась в отчаянии. Мой бедный маленький Эдгар выскочил мне навстречу со своим приветливым личиком, а мой Фоксик протянул мне свои ручонки. Но недолго суждено мне было радоваться его ласкам. В ноябре хрупкое дитя погибло от приступа конвульсий, вызванных воспалением легких. Моя скорбь была так велика! Это был первый ребенок, которого я потеряла. Увы, я тогда не подозревала, что мне предстоят еще такие страдания, перед которыми все остальное покажется ничтожным! Вскоре после того, как было похоронено дорогое дитя, мы покинули маленькую квартиру и наняли другую на той же самой улице...

28 марта 1851 года у нас родилась девочка — Франциска. Бедную малютку пришлось отдать кормилице, так как невозможно было, чтобы ребенок оставался вместе с нами в тесной квартире. Это был год большой всемирной выставки, и все устремились в Лондон. Весной приехал из Кёльна Фрейлиграт, чтобы подыскать в Лондоне работу. Позднее сюда приехал Лупус из Швейцарии, а также

Дронке, Имандт и Шили. Еще раньше в Лондон опять прибыл Зейлер, а также Гёц примкнул к кружку эмигрантов, группировавшихся вокруг Карла. 1851 и 1852 годы были для нас годами самых больших и одновременно самых мелочных забот, страданий, разочарований и всякого рода лишений.

Весной 1851 года произошло еще одно событие, на котором я не хочу останавливаться подробней, но которое во много раз увеличило все наши житейские невзгоды и наши огорчения. Прусское правительство предъявило всем друзьям Карла в Рейнской провинции обвинение в опасной революционной деятельности и бросило их в тюрьму, где с ними обращались ужаснейшим образом. Лишь в конце 1852 года суд начал открытое слушание дела, получившее широкую известность как кёльнский процесс коммунистов. Все обвиняемые, за исключением Даниельса и Якоби, были приговорены к трем и пяти годам тюремного заключения.

* * *

Вначале секретарем Маркса был В. Пипер, позднее я была возведена в этот ранг, и те дни, когда я сидела в маленькой комнатке Карла и переписывала неразборчиво написанные им статьи, остались у меня в памяти как самые счастливые дни в моей жизни.

В конце 1851 года Луи Наполеон совершил государственный переворот, и следующей весной Карл написал книгу «Восемнадцатое брюмера», которая вышла в Нью-Йорке. Он работал над своим произведением в маленькой квартирке на Дин-стрит среди детского крика и домашней суеты. В марте я переписала рукопись, и она была отослана, но из печати она вышла значительно позднее и почти ничего нам не принесла.

На пасху того же 1852 года наша бедная маленькая Франциска заболела бронхитом в тяжелой форме. Три дня боролось бедное дитя со смертью, она так сильно страдала. Крохотное бездыханное тельце умершей покоилось в маленькой задней комнате. Мы все перешли в переднюю комнату и, когда наступила ночь, легли на полу,— трое живых детей лежали вместе с нами. Мы все плакали о маленьком ангеле, который, холодный и побледневший, покоился возле нас. Смерть дорогой девочки совпала с периодом самой горькой нужды в нашей жизни. Наши немецкие друзья именно

в этот момент не были в состоянии нам помочь. Эрнест Джонс, который тогда часто и подолгу бывал у нас, обещал нам помощь. Но и он не смог этого сделать... Тогда я в смятении побежала к одному французскому эмигранту, который жил неподалеку и незадолго до этого посетил нас. Я просила его помочь нам в ужасной беде. Он тотчас же дал мне с самым дружеским участием два фунта стерлингов. Из этих денег было уплачено за маленький гроб, в котором, наконец, теперь покоилось с миром бедное дитя. Когда девочка появилась на свет, у нее не было колыбели, и ей было долго отказано в последней маленькой обители. Каково же было нам, когда мы провожали нашу девочку в последний путь!

Осенью 1852 года закончился, наконец, знаменитый процесс коммунистов. Карл написал брошюру, чтобы вывести на чистую воду гнусности прусского правительства. Брошюра была напечатана в Швейцарии у Шабелица, но прусское правительство конфисковало ее на границе и уничтожило. Клусс в Америке напечатал брошюру заново, и это новое издание затем широко распространялось на континенте.

В 1853 году Карл регулярно писал по две статьи для «New-York Daily Tribune» («Нью-йоркской трибуны»), они вызывали в Америке сенсацию. Благодаря этим регулярным доходам мы смогли до некоторой степени разделаться со старыми долгами и жить спокойно. Дети росли миловидными созданиями и развивались духовно и физически, хотя мы все еще жили в нашей маленькой тесной квартире. Карл, поддерживавший во время своего пребывания в Лондоне постоянную связь с чартистами и писавший статьи для «People's Paper» («Народной газеты») Эрнеста Джонса, летом этого года поместил в упомянутой газете некоторые из статей, напечатанных ранее в «Tribune»... В ответ на исключительно злобные выпады Виллиха, появившиеся в Америке, Карл написал маленькую брошюру «Рыцарь благородного сознания», которая также была напечатана в Америке и заставила навсегда умолкнуть этого рыцаря с его злобной сворой.

Рождество 1853 года было первым веселым праздником, который мы провели в Лондоне. Тяжелые каждодневно грызущие нас заботы прекратились благодаря связи Карла с «Tribune». Дети летом почти все время проводили на свежем воздухе, резвясь в парках; в этом году у нас были

вишни, земляника и даже виноград. На рождество друзья принесли нашему милому трилистнику прелестные подарки. Там были и куклы, и ружья, и кухонная посуда, и барабаны, и трубы. А тут еще поздно вечером пришел Дронке, чтобы украсить елку. Какой это был счастливый вечер! Неделю спустя у нашего дорогого Эдгара обнаружились первые признаки той неизлечимой болезни, которая через год унесла его. Если бы мы тогда могли покинуть тесную, нездоровую квартиру и увезти ребенка к морю — может быть, его удалось бы спасти. Но что случилось, того уж не вернешь!..

В сентябре 1855 года мы снова вернулись в нашу старую штаб-квартиру на Дин-стрит с твердым намерением покинуть ее как только маленькое английское наследство избавит нас от цепей и уз, которыми нас опутывали булочники, мясники, молочники, торговцы углем, зеленщики и им подобные «вражеские силы». Наконец, весной 1856 года мы получили небольшую спасительную для нас сумму. Все долги были выплачены — серебро, белье, одежда снова вернулись из изгнания в ломбарде на свое прежнее место, и я, одевшись во все новое и свежее, отправилась в последний раз с тремя оставшимися малютками на свою старую, милую сердцу родину...

Зиму мы прожили в полнейшем уединении. Почти все наши друзья покинули Лондон; те немногие, которые остались, жили от нас слишком далеко, и, кроме того, наш маленький милый домик,— несмотря на его миниатюрные размеры, он казался нам дворцом по сравнению с прежними квартирами,— был почти недоступен. К нам не было настоящей дороги, все вокруг находилось в процессе зарождения и стройки; нужно было пробираться через кучи мусора, и тяжелая глинистая почва красноватого цвета в дождливую погоду крепко прилипала к подошвам, так что часто после утомительной борьбы мы приходили домой с центнером грязи на ногах. К тому же в этих варварских местах царил мрак, и, вместо того чтобы по вечерам отваживаться на борьбу с темнотой, мусором, глиной и кучами камней, люди предпочитали сидеть у теплого камина. Я всю зиму очень болела, и меня постоянно окружала целая батарея лекарств. Прошло много времени, пока я привыкла к этому полному одиночеству. Я часто тосковала по своим продолжительным прогулкам на оживленных улицах Вест-Энда, по собраниям, по нашим клубам и излюбленной таверне, где велись заду-

шевные беседы, за которыми я так часто забывала на некоторое время житейские невзгоды. К счастью, я продолжала два раза в неделю переписывать статьи для «Tribune», благодаря чему всегда была в курсе мировых событий.

В середине 1857 года американские рабочие вновь оказались перед лицом жестокого торгового кризиса. «Tribune» снова выразила нежелание оплачивать по две статьи в неделю и, таким образом, из-за этой бреши в доходах наша казна опять сильно опустела. К счастью, Дана издавал в то время «Новую американскую энциклопедию», и Карлу было предложено присылать статьи по военным и экономическим вопросам. Так как это происходило очень нерегулярно, а подрастающие дети и большая квартира требовали более значительных расходов, то это время никак нельзя назвать временем процветания. Не было настоящей нужды, но зато были постоянные денежные затруднения, мелочные заботы и подсчеты. Несмотря на все ограничения, нам никак не удавалось свести концы с концами, и поэтому с каждым днем и с каждым годом бремя долгов все возрастало...

Шестого июля у нас родился седьмой ребенок, но лишь для того, чтобы один раз вздохнуть и быть унесенным на кладбище к другим дорогим братьям и сестрам.

Летом 1857 года возвратился из Америки наш старый добрый Конрад Шрамм, но, к сожалению, таким больным, что мы с первого же взгляда поняли: он безнадежен. Шрамм пробыл еще 6 недель в немецком госпитале, а потом уехал на остров Джерси. Здесь он встретился с Фридрихом Энгельсом, который уже год как был тяжело, очень тяжело болен и искал там исцеления и восстановления сил. Карл посетил на острове обоих друзей в сентябре этого года и возвратился, нагруженный фруктами, орехами и виноградом. Уже в январе 1858 года мы получили через Джулиана Гарни, который редактировал в Джерси газету, известие о кончине нашего дорогого друга Шрамма.

1858 год не принес нам ни плохого, ни хорошего; это был год, когда один день ничем не отличался от другого... Этой зимой Карл работал над своей книгой «К критике политической экономии», для которой он уже много лет собирал материал. Лассаль, с которым он был в дружеских отношениях с 1848 года, нашел для книги издателя в Берлине в лице Франца Дункера. Весной 1859 года Карл отправил переписанную мной рукопись, и из Берлина непрерывно

поступали листы корректуры, поэтому печатание, естественно, очень затянулось. Но еще больше оно затянулось потому, что Лассаль страшно спешил издать «зажигательное произведение», свою драму «Франц фон Зикинген», и Дункер, как его близкий друг, распорядился печатать ее раньше книги Карла. Летом 1859 года вспыхнула также так называемая via-sacra [1], итальянская война между Францией и Австрией. Энгельс издал брошюру «По и Рейн», и, раззадоренный ее успехом, Лассаль тоже выпустил брошюру «Итальянская война».

В Лондоне Элард Бискамп издавал еженедельную газету под названием «Volk» («Народ»). Карл принимал участие в ее издании. Как и Энгельс, он писал для нее много статей. В газете «Volk» была перепечатана написанная К. Блиндом листовка, текст которой был сообщен позднее Либкнехтом аугсбургской «Allgemeine Zeitung» («Всеобщей газете»). Эта листовка послужила поводом для клеветнических нападок К. Фогта на Карла. Фогт издал брошюру, содержавшую гнуснейшую ложь о Карле. В течение 1860 года Карл собирал материал, чтобы одним ударом положить конец клевете, которую вся немецкая пресса, окрыляемая «новой эрой», con amore [2] распространяла по городам и селам. Ему нужно было «одним ударом убить семерых»...

Весной 1860 года умер отец Энгельса. Материальное положение Энгельса значительно улучшилось, хотя он все еще был связан с Эрменом заключенным ранее невыгодным договором, срок которого истек лишь в 1864 году; с этого времени Энгельс стал во главе дела как компаньон. В августе 1860 года я снова провела две недели в Гастингсе со своими детьми. Возвратившись оттуда, я начала переписывать книгу, которую написал Карл против Фогта и его сообщников. Она была напечатана в Лондоне и появилась лишь после больших хлопот в конце декабря 1860 года. Я тогда как раз была опасно больна оспой; к тому времени я немного оправилась от ужасной болезни, так что могла, несмотря на полуслепые глаза, прочитать книгу «Господин Фогт». Это было очень мрачное время, трое детей нашли убежище и гостеприимный прием у верных Либкнехтов.

---

[1] — буквально: священная дорога. *Ред.*

[2] — любовно. *Ред.*

Как раз в это время появились первые предвестники великой гражданской войны в Америке, которая началась позднее, весной. Старая Европа с ее ничтожными устаревшими битвами пигмеев перестала интересовать Америку. «Tribune» сообщила Карлу, что она по финансовым соображениям принуждена отказаться от всех корреспонденций и поэтому не нуждается пока в сотрудничестве Карла. Удар был тем чувствительней, что все другие источники дохода полностью иссякли, а все предпринятые меры ни к чему не привели. Тяжело было также, что это бедственное положение началось как раз тогда, когда старшие девочки вступали в прекрасную золотую пору первой юности. Мы снова вернулись к пережитым десять лет тому назад страданиям, заботам и лишениям, с той только разницей, что тогда их терпели пяти- и шестилетние дети, не сознавая, в чем дело, а теперь, через десять лет — вполне сознательные цветущие пятнадцати- и шестнадцатилетние девушки. Таким образом, мы на практике убедились в правоте немецкой поговорки: «малые дети — малые заботы, большие дети — большие заботы». Летом 1860 года мы взяли к себе на 2 месяца Эккариуса, который был очень болен.

Весной 1861 года Карл поехал в Германию, так как было настоятельно необходимо раздобыть денег. На рождестве умер король Пруссии, так называемый «гениальный», чтобы освободить место «прекрасному Вильгельму» [1]. Капрал издал амнистию, которой Карл воспользовался, чтобы съездить в Германию и выяснить вновь создавшуюся обстановку. В Берлине он жил у Лассаля и часто встречался с графиней Гацфельдт. Оттуда он отправился в Голландию к своему дяде Леону Филипсу, который поистине великодушно одолжил ему деньги без процентов. Он вернулся в сопровождении Жака Филипса из Боммеля как раз ко дню рождения Женнихен, которой исполнялось 17 лет. С помощью полученных денег наш утлый корабль снова сошел с мели, и мы некоторое время весело плыли дальше, хотя метались всегда в мутной воде, между подводными скалами и мелями, между Сциллой и Харибдой. Летом 1860 года старшие девочки вышли из школы и стали брать лишь по отдельным предметам частные уроки, которые давались в колледже и

[1] Речь идет о смерти короля Фридриха-Вильгельма IV (1861 г.), преемником которого стал Вильгельм I. *Ред.*

не для школьников. Они продолжали заниматься французским и итальянским языками у г-на Кольма и синьора Маджони; Женни до 1862 года брала также уроки рисования у г-на Олдфилда. Осенью старшие девочки начали учиться пению у г-на Генри Баннера.

В сентябре 1861 года Карлу удалось через посредство А. Дана снова завязать прежние сношения с «Tribune», он должен был посылать по одной статье еженедельно. Одновременно он познакомился через одного кузена Лассаля с редактором венской газеты «Presse» («Пресса»), который предложил ему стать сотрудником этой «либеральной» газеты. К сожалению, и то и другое продолжалось только одну зиму. Весной 1862 года прекратилась всякая работа для «Tribune»; сотрудничество Карла в «Presse» также свелось постепенно на нет...

В течение всей весны 1863 года Женнихен очень болела и находилась под постоянным наблюдением врача. Карл также чувствовал себя в высшей степени плохо. После пребывания у Энгельса, которого он регулярно посещал все годы, начиная с 1850 года, ему не стало лучше. Мы снова провели 3 недели у моря в Гастингсе, где пробыли 12 дней вместе с Г. Баннером. Карл заехал за нами туда, но выглядел очень скверно и все время недомогал, пока в ноябре того же года это не вылилось, наконец, в ужасную болезнь — карбункулез. 10 ноября был вскрыт страшный нарыв, но и после этого жизнь Карла еще долго находилась в опасности. Целых четыре недели продолжалась тяжелая болезнь, которая была сопряжена с сильнейшими физическими муками. К этим физическим страданиям присоединялись еще другие неприятные заботы и всякого рода душевные мучения. Доктор рекомендовал Карлу перемену климата как особенно целительное и благотворное средство, и Карл, едва выздоровев, в разгар зимы, отправился в Германию, в Трир, для приведения в порядок дела о наследстве своей матери; мы беспокоились за него и горячо желали успеха. Он пробыл там недолго у своего зятя Конради и сестры Эмилии, заехал во Франкфурт к тетушке, сестре отца. Оттуда он поехал в Боммель к своему дяде, который вместе с Неттхен окружил его самым заботливым уходом, ибо, к сожалению, он снова нуждался в нем, как и во врачебной помощи. Едва он приехал в Боммель, как еще не залеченная болезнь вспыхнула с новой силой и вынудила его остаться

в Голландии с рождества до 19 февраля. Какое это было ужасное время — эта одинокая, безотрадная зима! С небольшой долей наследства, которую Карл тут же привез наличными, мы получили возможность вырваться из цепей и уз долгов, ломбарда и т. д. К счастью, мы нашли очень хорошую, здоровую квартиру, которую обставили довольно удобно и относительно элегантно. На пасху 1864 года мы переехали в новый, приветливый, расположенный на солнечной стороне дом, с просторными светлыми комнатами.

Второго мая 1864 года мы получили от Энгельса письмо с сообщением о тяжелом заболевании нашего верного доброго старого друга Лупуса. Карл тотчас же поспешил к нему, и верный друг на мгновение узнал его. Девятого мая он скончался. В своем завещании наряду с некоторыми другими лицами, получившими небольшие суммы, он назначил Карла, меня и детей своими главными наследниками. Только теперь впервые выяснилось, что этот непритязательный, так скромно живший человек, благодаря исключительному трудолюбию и напряжению сил, скопил довольно значительное состояние в 1 000 фунтов стерлингов. Ему не суждено было спокойно и беспечно воспользоваться на старости лет плодами своих трудов. Нам же он принес помощь, облегчение и год жизни, свободной от забот. Здоровье Карла, которое продолжало оставаться очень шатким, требовало непременного пребывания летом на море. Он поехал с Женни в Рамсгет, куда позднее за ним последовали Лаура и Тусси...

В течение года Карлу удалось найти издателя для своего большого экономического труда [1]. Мейснер в Гамбурге взялся опубликовать это произведение на сравнительно выгодных условиях. Теперь Карл усиленно занялся завершением труда...

* * *

В июле 1862 года нас посетил Фердинанд Лассаль. Он с трудом нес бремя славы, которую стяжал себе как ученый, мыслитель, поэт и политический деятель. Свежий лавровый венок еще покоился на его олимпийском челе и благоухающих кудрях или, скорее, на непокорной, жесткой шевелюре негра. Он только что победоносно закончил итальянский по-

[1] Речь идет о «Капитале». *Ред.*

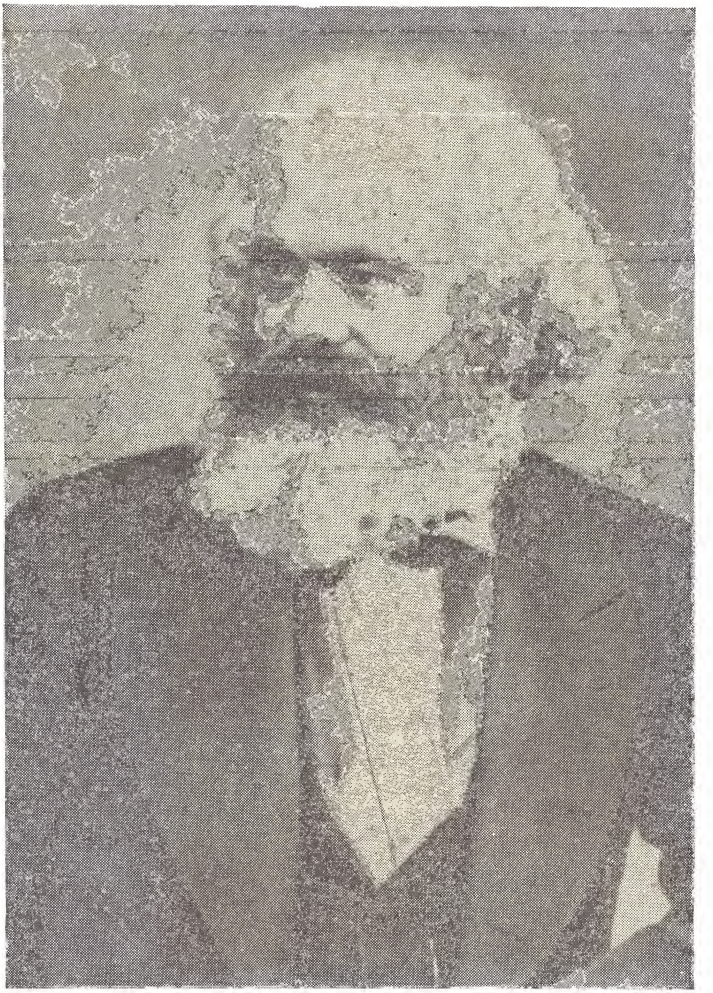
ход — великие люди действия готовили новый политический переворот. Сильная борьба раздирала его душу. Он не затронул еще многих отраслей науки! Оставалась еще неприкосновенной египтология — «должен ли я теперь удивить мир как египтолог или же проявить свою многогранность как человек действия, как политик, как борец, как солдат?» Великая дилемма! Он не мог разобраться в собственных мыслях и чувствах, и эта внутренняя борьба часто выражалась невероятно бурно. Он, как вихрь, проносился по нашим комнатам, громко разглагольствуя, жестикулируя и часто возвышая голос до такой степени, что наши соседи, испуганные этим невероятным криком, справлялись, что у нас случилось. Это была внутренняя борьба «великого» человека, которая выражалась в пронзительных диссонансах. Известие о тяжелой болезни отца застало Лассаля в Лондоне. Он расстался со своим верным псом Лотаром Бухером, который во время выставки 1862 года исполнял при нем обязанности курьера, наушника, посыльного и организатора развлечений...

Лассаль поспешил уехать от нас, где его мания величия встречала мало симпатии, в Швейцарию. Там, в кругу «великих мужей», он нашел то, чего жаждала его душа: бо̀льшее расположение к себе и бо̀льшее поклонение. В окружении клеветников и прихлебателей он чувствовал себя как дома. Он вернулся в Берлин и вместо того, чтобы проявить себя как египтолог, солдат, политический деятель, поэт или мыслитель,— он избрал еще не проторенный путь — путь мессии рабочих. Шульце-Делич уже много лет возглавлял движение рабочих за создание ссудосберегательных касс — Лассаль выступил против него, и тогда началась «новая эра эмансипации рабочих — движение, какого Европа еще не видывала, великое, единственно возможное освобождение угнетенных классов путем прямого избирательного права и всеобщего равноправия». Лассаль объезжал Германию в качестве мессии и апостола, одна за другой следовали брошюры, и возникло рабочее движение, с которым правительство молчаливо мирилось и таким образом косвенно поддерживало его, ибо это движение было ему очень на руку в его политической борьбе с развивающейся и довольно-таки мешающей ему партией прогрессистов.

Что касается «лассалевского учения», то оно состояло из бессовестного плагиата доктрин, разрабатывавшихся Карлом

в течение 20 лет, и нескольких собственных добавлений чисто реакционного характера, из чего получилась весьма своеобразная смесь правды и вымысла. И все же это импонировало рабочему классу. Лучшие из рабочих правильно понимали суть дела, а вся остальная масса, проникнутая еще мелкобуржуазным духом, цеховщиной, с фанатическим воодушевлением предавалась новому учению, ослепленная его фальшивым блеском, и тянулась к новому мессии, которому создавался ни с чем не сравнимый в истории культ. Священный фимиам, распространяемый этими элементами, одурманил половину Германии, и сейчас еще, когда Лассаль покоится на тихом еврейском кладбище в Бреславле, убитый в Женеве на дуэли валашским юнцом, продолжается курение фимиама, шествия со знаменами и возложение лавровых венков. Лассаль оставил завещание, по которому он назначил графиню Гацфельдт своей главной наследницей и предназначил значительные суммы другим своим «новым швейцарским друзьям». Против завещания заявили протест мать и сестра Лассаля, и процесс по этому поводу еще не закончен. Одновременно Лассаль назначил своим преемником по руководству рабочим движением Бернхарда Беккера.

На рождество вышла издаваемая Швейцером и Хофштеттеном газета «Social-Demokrat» («Социал-Демократ»), «орган лассальянцев». Карл и Энгельс обещали сотрудничать в ней. Но очень скоро они вынуждены были порвать с этим реакционным предприятием, целиком продавшимся правительству. Следствием их заявления была новая травля Карла — и по сегодняшний день мелкобуржуазная клика злобствует, беснуется и воет на все лады в своих печатных органах и брошюрках. Вильгельм Либкнехт, который в августе 1862 года поселился в Берлине, слишком тесно связался с этой шайкой, дал себя одурачить ею и интригующей вместе с ней графиней Гацфельдт,— и теперь вынужден дорого расплачиваться за свое легковерие.



К. МАРКС
(1872)

ЖЕННИ МАРКС — ИОСИФУ ВЕЙДЕМЕЙЕРУ

20 мая 1850 г.

Дорогой господин Вейдемейер!

Почти год прошел с тех пор, как я встретила у Вас и Вашей милой жены такой дружеский, радушный прием, с тех пор, как я так хорошо, как дома, чувствовала себя, живя у Вас. И все это время я не подавала никаких признаков жизни. Я не ответила, когда Ваша жена написала мне такое приветливое письмо. Я промолчала даже тогда, когда мы получили известие о рождении Вашего ребенка. Это молчание часто очень удручало меня, но в большинстве случаев я не в состоянии была писать; да и сегодня это дается мне с большим трудом.

Однако обстоятельства заставляют меня взяться за перо — прошу Вас, *пришлите нам, как можно скорее, деньги, которые поступили или поступят* за «Revue» [1]. Мы в них *очень, очень нуждаемся.* Никто, конечно, не может нас упрекнуть в том, что мы когда-либо подчеркивали, сколько жертв нам пришлось принести и что мы пережили за эти годы. Публика мало, вернее, почти совсем не осведомлена о наших личных делах, мой муж очень щепетилен в этом отношении и скорее пожертвует последним, чем согласится на демократическое попрошайничество, которым занимаются официально признанные «великие мужи». Но чего он мог бы, казалось, ожидать от своих друзей, в особенности кёльнских, так это деятельной, энергичной поддержки его

[1] — «Neue Rheinische Zeitung. Politisch-ökonomische Revue» («Новая рейнская газета. Политико-экономическое обозрение»). *Ред.*

«Revue». На эту поддержку он прежде всего мог рассчитывать там, где было известно, какие жертвы он принес для «Neue Rheinische Zeitung». Вместо этого дело было совершенно загублено из-за небрежного и беспорядочного его ведения; трудно сказать, что причинило больше вреда — то ли затяжка по вине книготорговца или по вине стоящих во главе дела и знакомых в Кёльне, то ли вообще все поведение демократов.

Моего мужа здесь совсем замучили самые мелочные житейские заботы. И все это принимало такую возмутительную форму, что потребовалась вся его энергия, все его спокойное, ясное, молчаливое сознание собственного достоинства, чтобы выстоять в этой ежедневной, ежечасной борьбе. Вы знаете, дорогой Вейдемейер, какие жертвы принес мой муж ради газеты. Он вложил в нее тысячи наличными, он стал единственным собственником газеты — его толкнули на это добродетельные демократы, которым иначе пришлось бы самим отвечать за долги — и это в такое время, когда уже почти не оставалось надежды на успех. Чтобы спасти политическую честь газеты, чтобы спасти гражданскую честь кёльнских знакомых, он взял на себя все тяготы, продал свою скоропечатную машину, отдал все поступившие деньги, а перед уходом взял взаймы триста талеров, чтобы заплатить за наем нового помещения, выплатить гонорары редакторам и т. д.,— а ведь он подлежал насильственной высылке. Вы знаете, что себе мы ничего не оставили. Я поехала во Франкфурт, чтобы заложить свои серебряные вещи, последнее, что у нас было. В Кёльне я поручила продать мою мебель, так как существовала опасность, что все будет описано за долги. Когда наступил злосчастный период контрреволюции, мой муж отправился в Париж. Я последовала за ним с моими тремя детьми. Не успел он обосноваться в Париже, как его опять выслали, даже мне самой и моим детям было воспрещено дальнейшее пребывание там. Я снова последовала за ним, в Англию. Через месяц родился наш четвертый ребенок. Надо знать Лондон и здешние условия жизни, чтобы понять, что значит трое детей и рождение четвертого. За одну только квартиру мы должны были платить 42 талера в месяц. Все это мы могли оплачивать из денег, которые мы достали, но наши небольшие средства иссякли с выходом «Revue». Несмотря на соглашение, деньги не поступали, а если и поступали, то лишь отдель-

ными мелкими суммами, поэтому мы очутились здесь в самом ужасном положении.

Я опишу Вам без прикрас только *один* день нашей жизни, и Вы увидите, что, пожалуй, немногие эмигранты испытали нечто подобное. Так как кормилицы здесь недоступны, я решила сама кормить своего ребенка, несмотря на постоянные ужасные боли в груди и спине. Но мой бедный малютка высасывал у меня с молоком столько забот и скрытого горя, что сам постоянно хворал, днем и ночью страдал от острых болей. С тех пор как он родился, он еще ни одну ночь не спал больше двух-трех часов. В последнее время к этому прибавились еще сильные судороги, и ребенок все время был между жизнью и смертью. Из-за этих мучений он так сильно сосал, что у меня заболела грудь, появились трещины на груди; часто кровь текла в его открытый, дрожащий ротик. Так сидела я с ним однажды, как вдруг появилась хозяйка нашего дома. Мы заплатили ей в течение зимы свыше 250 талеров, а остальные деньги, по контракту, должны были уплатить не ей, а ее лендлорду, который еще раньше описал ее имущество. Она отказывается от контракта и требует 5 фунтов стерлингов, которые мы ей еще были должны. Так как денег у нас не оказывается (письмо Наута пришло слишком поздно), являются два судебных пристава и описывают все мое небольшое имущество — кровати, белье, платье,— все, даже колыбель моего бедного ребенка и лучшие игрушки девочек, которые стояли тут же, обливаясь слезами. Они угрожали через два часа забрать все имущество.— Я, с моей больной грудью, осталась бы тогда на голом полу с моими дрожащими от холода детьми. Наш друг Шрамм спешит в город за помощью. Но едва он сел в кабриолет, как лошади понесли, он на ходу выскакивает из экипажа и его, окровавленного, приносят к нам в дом, где я сидела в слезах с моими бедными дрожащими детьми.

На следующий день мы должны были оставить квартиру. Было холодно, пасмурно и дождливо. Мой муж ищет для нас помещение, но с четырьмя детьми никто не хочет нас пускать. Наконец, нам оказывает помощь один друг, мы уплачиваем за квартиру, и я быстро продаю все свои кровати, чтобы заплатить аптекарю, булочнику, мяснику и молочнику, напуганным скандалом с описью имущества и внезапно набросившимся на меня со своими счетами. Проданные

кровати выносят из дома, погружают на тележку — и что же происходит? Было уже поздно, после захода солнца, вывозить вещи в такое время запрещается английским законом, и вот появляется хозяин в сопровождении полицейских и заявляет, что среди моих могут быть и его вещи, и что мы хотим сбежать за границу. Не прошло и пяти минут, как перед нашей квартирой собралось не менее двухсот-трехсот зевак, весь сброд из Челси. Кровати вносят обратно; отдать их покупателю можно было лишь на следующее утро, после восхода солнца. Когда, наконец, продав все наши пожитки, мы оказались в состоянии уплатить все до копейки, я переехала с моими милыми малышами в наши теперешние две комнатки в немецкой гостинице на Лестер-стрит 1, Лестер-сквер, где мы более или менее сносно устроились за $5^1/_2$ фунтов стерлингов в неделю.

Простите, дорогой друг, что я так подробно и обстоятельно описала один лишь день нашей здешней жизни. Я знаю, это нескромно, но сегодня вечером сердце мое переполнено, руки мои дрожат и мне хочется хоть раз излить душу одному из наших старейших, лучших и вернейших друзей. Не думайте, что эти страдания из-за мелочей меня сломили. Я слишком хорошо знаю, что мы далеко не одиноки в нашей борьбе и что ко мне судьба еще милостива, я принадлежу к немногим счастливицам, потому что рядом со мной мой дорогой муж, опора моей жизни. Что меня действительно мучает до глубины души, из-за чего мое сердце обливается кровью, так это то, что мой муж должен претерпевать столько мелких невзгод, в то время как ему можно было бы помочь столь малым, и что он, с такой охотой и радостью помогавший многим людям, оказался здесь без всякой помощи. Но не подумайте, дорогой Вейдемейер, что мы к кому-нибудь предъявляем претензии. Единственное, чего мой муж вполне мог требовать от тех, с кем он делился своими мыслями, кому он оказывал поддержку, служил опорой, так это проявления большей деловой энергии, большего участия к его журналу. Я могу с гордостью и смелостью это утверждать. Это немногое они должны были сделать для него, от этого никто бы не пострадал. Вот это-то и огорчает меня. Но мой муж думает иначе. Никогда, даже в самые ужасные минуты, он не терял веры в будущее, всегда сохранял самый живой юмор и был вполне доволен, когда видел веселой меня и наших милых детей, с нежностью

ласкающихся к своей мамочке. Он не знает, что я так обстоятельно написала Вам о нашем положении, поэтому, дорогой Вейдемейер, не ссылайтесь на эти строки. Он знает только, что я Вас просила от его имени по возможности ускорить получение и пересылку денег.

До свиданья, дорогой друг! Передайте самый сердечный привет Вашей милой жене и поцелуйте Вашего крошку от имени матери, уронившей не одну слезу на своего младенца. Наши трое старших детей прекрасно себя чувствуют, вопреки всему. Девочки красивые, цветущие, веселые, приветливые, а наш толстый мальчуган полон юмора и самых забавных затей. Бесенок по целым дням поет с необычайным пафосом и весьма громким голосом. Весь дом дрожит, когда он во весь голос распевает слова из фрейлигратовской марсельезы:

Приди ж, июнь, пора свершений!
Мы жаждем подвигов и дел.

Быть может, всемирно-историческое призвание этого месяца, как и его двух несчастливых предшественников [1], состоит в том, чтобы начать гигантскую борьбу, в которой мы все снова будем сражаться рука об руку.

Будьте здоровы!

---

[1] Имеются в виду июнь 1848 г.— поражение парижского пролетариата и июнь 1849 г.— неудачный исход кампании за имперскую конституцию в Юго-Западной Германии. *Ред.*

ЖЕННИ МАРКС — АДОЛЬФУ КЛУССУ
В ВАШИНГТОН

Лондон, 28 октября 1852 г.

Дорогой г-н Клусс!

Вы, наверное, следите за громким процессом коммунистов по «Kölnische Zeitung» («Кёльнской газете»). Заседание 23 октября придало всему делу такой великолепный, интересный и выгодный для обвиняемых оборот, что все мы снова как-то ожили. Вы, конечно, понимаете, что «партия Маркса» работает день и ночь, работает головой, руками и ногами. Крайняя занятость мужа — вот причина, почему я сегодня вновь выступаю перед Вами в качестве замещающего его корреспондента.

Близкий друг г-на Виллиха, г-н Дитц, находящийся сейчас тоже в Америке, *дал украсть* все бумаги виллиховской клики — письма, протоколы и т. п. Эти документы были предъявлены обвинением как доказательство опасной деятельности партии. Чтобы доказать причастность обвиняемых к этому делу, была выдумана версия о связи моего мужа с известным шпионом Шервалем. Таким путем моего мужа лживо изобразили связующим звеном, перекидывающим мост между кёльнскими теоретиками и людьми действия, поджигателями и грабителями в Лондоне. Штибер и прокуратура ожидали, что это произведет колоссальный эффект, но вся их версия рассеялась, как дым. Тогда потребовались новые сенсации, отсюда паутина лжи, сплетенная ими на заседании 23 октября.

Все утверждения полиции — чистейшая ложь. Она крадет, подделывает, взламывает письменные столы, дает ложные присяги, лжесвидетельствует и, вдобавок ко всему, считает, что ей все дозволено по отношению к коммунистам,

поскольку они поставлены вне общества. Буквально волосы дыбом становятся от всего этого и от той манеры, с какой полиция, в лице самой гнусной своей фигуры, присваивает себе все функции прокуратуры, отодвигает Зедта на задний план, выдает незасвидетельствованные записки, простые слухи, донесения, сплетни за действительно установленные судебным путем факты и доказательства. Свидетельства того, что все это фальсифицировано, надо было доставлять отсюда. Моему мужу приходилось, таким образом, работать днем и ночью. Чтобы разоблачить полицейские махинации, надо было представить официально заверенные свидетельские показания хозяев, а также официально удостоверенные почерка мнимых составителей протоколов — Либкнехта и Рингса. А затем все документы, переписанные в шести и даже восьми копиях, надо было отправлять в Кёльн самыми различными путями: через Франкфурт, Париж и т. д., так как все письма на имя моего мужа, так же как и письма отсюда в Кёльн, вскрываются и похищаются. Все это, вместе взятое, составляет ту борьбу, которая ведется сейчас между полицией, с одной стороны, и моим мужем, с другой; ему приписывают решительно всё, всю революцию и даже руководство процессом.

В довершение всего Штибер обвинил теперь моего мужа в том, что он австрийский шпион. Тогда мой муж отыскал великолепное письмо, написанное ему Штибером во времена «Neue Rheinische Zeitung» и действительно скандальное для Штибера [1]. Кроме того, мы нашли письмо Беккера, в котором он насмехается над глупостями Виллиха и над его «военными заговорами». Из ненависти к Беккеру Виллих здесь, в Лондоне, подучил свидетеля, лейтенанта Генце, от которого получал до последнего времени подачки. Короче говоря, выявятся такие вещи, которые показались бы невероятными, если бы не были нам доподлинно известны. Все эти полицейские истории отвлекают публику, а вместе с тем и присяжных от существа самого обвинения против коммунистов, и ненависть буржуазии к этим ужасным поджигателям парализуется отвращением к подлости полиции, поэтому мы можем сейчас рассчитывать даже на оправдание наших друзей. Борьба с этой официальной властью, воору-

---

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Сочинения, т. VIII, 1931, стр. 538—539. *Ред.*

женной золотом и всевозможными боевыми средствами, безусловно представляет большой интерес; если она закончится нашей победой, то это будет тем более почетно, что на их стороне деньги, власть и прочие преимущества, тогда как мы частенько не знаем, как раздобыть бумагу, чтобы написать письма, и т. д. и т. п.

Прилагаю заявление, посланное сегодня в газеты за подписью Фрейлиграта, Маркса, Энгельса и Вольфа [1]. Мы посылаем его сегодня в «Tribune». Вы также можете его опубликовать.

Простите меня за это бестолковое письмо, но я тоже принимаю участие во всей этой истории и мне приходится столько переписывать, что пальцы немеют. Отсюда сумбурное письмо. Ваша статья в «Turnzeitung» («Спортивной газете») здесь очень понравилась. Муж мой считает ее превосходной и в особенности блестящей по стилю. Остальные предпочли бы, чтобы Вы меньше теоретизировали и чтобы Вы оставались прежним остроумным и веселым Клуссом.

Только что прибыли от Веерта и Энгельса целые кипы купеческих адресов и мнимо-коммерческих писем, чтобы без риска пересылать документы, письма и пр. Получили сейчас «Kölnische», полную новых невероятно скандальных историй. И снова две депеши немедленно отправляются по купеческим адресам. У нас теперь тут целая канцелярия. Двое-трое пишут, другие бегают по поручениям, третьи раздобывают пенсы, чтобы писцы могли существовать и бросать в лицо старому официальному миру доказательства неслыханнейшего скандала. А вдобавок ко всему раздается пение и свист трех моих неугомонных ребят, которые то и дело получают нагоняй от своего папаши. Вот суматоха-то!

Прощайте, дорогой г-н Клусс, и напишите поскорее Вашим друзьям.

С высочайшего соизволения

Женни Маркс.

---

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Сочинения, т. VIII, 1931, стр. 600—601. *Ред.*

ЖЕННИ МАРКС — ЛУИЗЕ ВЕЙДЕМЕЙЕР

11 марта 1861 г.

Моя дорогая госпожа Вейдемейер!

Сегодня утром получила Ваше милое письмо и, чтобы Вы знали, как я от всей души ему обрадовалась, сразу же сажусь и очень подробно пишу обо всем. Из Ваших приветливых строк вижу, что Вы рады что-нибудь услышать о нас и по-прежнему дружески вспоминаете нас, как и мы Вас.

Да и разве это возможно, чтобы такие старые партийные товарищи и друзья, которым судьба уготовила почти одни и те же страдания и радости, одни и те же светлые и мрачные дни, стали когда-нибудь чужими друг другу, несмотря на время и океан, разделившие нас. И вот я протягиваю Вам руку издалека, как мужественному, верному товарищу по борьбе, страданиям и испытаниям. Да, моя дорогая госпожа Вейдемейер, у нас обеих довольно часто бывало мрачно и тяжко на душе, и я слишком хорошо представляю себе, что̀ Вам пришлось пережить за последнее время! Я представляю себе всю Вашу борьбу, заботы и лишения, ведь я часто переживала то же самое. Но страдания закаляют, а любовь служит нам поддержкой!

В первые годы нашего пребывания здесь нам пришлось очень тяжко, но я не хочу сегодня останавливаться мыслью на всех этих грустных воспоминаниях, на всех потерях, которые мы понесли, не хочу вспоминать о милых ушедших от нас детях, образы которых мы с глубокой грустью всегда храним в сердце.

Позвольте мне сегодня рассказать Вам о новом периоде нашей жизни, в котором наряду со многими мрачными

сторонами имеются все же и некоторые радостные, солнечные моменты.

В 1856 году я поехала с моими тремя оставшимися в живых девочками в Трир. Моя мать несказанно обрадовалась, когда увидела меня и внучек, но радость эта, к сожалению, была непродолжительной. Самая преданная, лучшая из матерей заболела и после одиннадцатидневных страданий закрыла милые, усталые глаза, которые в последнюю минуту, благословляя, смотрели на меня и детей. Ваш муж, знавший мою ласковую мать, лучше всех поймет мою боль. Мы похоронили горячо любимую маму, и я снова уехала из Трира после того, как привела в порядок небольшое наследство матери и разделила его между моим братом Эдгаром и мной.

В Лондоне мы до этого жили в двух жалких меблированных комнатах. С несколькими сотнями талеров, которые мамочка, принесшая нам столько жертв, оставила в наследство, мы сняли маленький домик неподалеку от великолепного Хэмпстед-Хис (Вы, как переводчица «Женщины в белом» [1], наверное, помните это название), где и живем по сей день. Это поистине княжеская квартира по сравнению с прежними дырами, в которых нам приходилось жить, и, хотя все ее устройство обошлось немногим больше 40 фунтов стерлингов (немалую роль сыграли при этом купленные из вторых рук старые вещи), вначале я казалась себе прямотаки величественной в нашей уютной гостиной. Все белье и другие остатки прежнего величия были выкуплены нами из ломбарда, и я с удовольствием вновь пересчитала камчатные салфетки еще старинного шотландского происхождения. Впрочем, великолепие длилось недолго: вскоре пришлось снова нести одну вещь за другой в «поп-хаус» (так дети называют таинственный дом с тремя шарами [2]); все же мы успели порадоваться окружавшему нас житейскому уюту. Но тут наступил первый американский кризис и уменьшил наполовину наши доходы. Опять началась скудная жизнь и долги. Их приходилось делать, чтобы продолжать по-прежнему только что начатое воспитание девочек.

А теперь перехожу к самому прекрасному в нашем существовании, к светлой стороне нашей жизни,— к нашим

[1] — роман английского писателя Уильяма Коллинза. *Ред.*

[2] — ломбард (у входа в английский ломбард висят три позолоченных шара). *Ред.*

милым детям. Я уверена, что Ваш муж, любивший наших девочек, когда они были еще детьми, еще больше радовался бы теперь, видя их высокими, цветущими, молодыми девушками. Рискуя прослыть в Ваших глазах самодовольной, слабой матерью, я должна все же похвастать достоинствами милых девочек. У них обеих чрезвычайно доброе сердце, хорошие наклонности, поистине очаровательная скромность и девическая застенчивость. Женни 1 мая исполнится семнадцать лет. Она чрезвычайно миловидная девушка; со своими темными, блестящими, густыми волосами и такими же темными, блестящими и ласковыми глазами, со своим смуглым лицом креолки, которое приобрело, однако, свойственную англичанкам свежесть, она выглядит даже красивой. Глядя на милое, добродушное выражение круглого, как яблоко, детского лица, забываешь о некрасивом, вздернутом носике и радуешься, когда открывается прелестный ротик с красивыми зубами.

Лауре в сентябре прошлого года исполнилось пятнадцать лет. Она, пожалуй, более красива и у нее более правильные черты лица, чем у ее старшей сестры, полной противоположностью которой она является. Она так же высока ростом, так же стройна и изящна, как Женни, но во всем светлее, легче, прозрачнее. Верхнюю часть ее лица можно назвать красивой, так хороши волнистые, пышные каштановые волосы, так очаровательны милые зеленоватые глаза, в которых всегда как бы светится радостный огонек, так благородна и красива форма ее лба. Только нижняя часть лица менее правильна и еще не вполне оформилась. Обе сестры отличаются поистине цветущим видом, и обе так мало кокетливы, что я часто про себя дивлюсь этому, тем более, что не могу сказать того же об их матери во времена ее молодости, когда она еще носила легкие, воздушные платья.

В школе они получали всегда первые награды. Они свободно владеют английским языком и довольно хорошо знают французский. По-итальянски понимают Данте, немного читают также по-испански. Только с немецким дело никак не идет на лад; хотя я стараюсь всеми силами время от времени разговаривать с ними по-немецки, они всегда неохотно идут на это, и здесь не помогает даже мой авторитет и их уважение ко мне. У Женни особые способности к рисованию, и лучшее украшение наших комнат — ее наброски карандашом. Лаура относилась к рисованию так небрежно, что мы,

в наказание, перестали ее учить рисовать. Зато она прилежно учится играть на рояле и очень мило поет с сестрой немецкие и английские дуэты. К сожалению, девочки очень поздно стали учиться музыке — примерно лишь года полтора назад. Достать для этого денег было выше наших сил, к тому же у нас не было рояля, да и наш теперешний, который я взяла напрокат, настоящая развалина.

Девочки доставляют нам много радости своим милым скромным характером, а их младшая сестренка — кумир и баловень всего дома.

Ребенок родился как раз тогда, когда умер наш бедный милый Эдгар. Вся любовь к брату, вся нежность к нему была теперь перенесена на маленькую сестренку, которую старшие девочки нянчили с почти материнской заботливостью. Да и трудно себе представить более очаровательного, красивого, как картинка, наивного, забавного ребенка. Девочка особенно отличается своей удивительно милой болтовней и своими рассказами. Этому она научилась у братьев Гримм, ставших ее неизменными спутниками. Мы все до одурения читаем сказки, и горе нам, если мы пропускаем хоть один слог в «Белоснежке», у «Румпельштильцхена» или у «Короля-Дроздовика». Благодаря этим сказкам девочка наряду с английским, который она все время слышит, научилась немецкому и говорит по-немецки необычайно правильно и точно. Девочка — поистине любимица Карла и своим смехом и щебетанием отвлекает его от множества забот. В хозяйстве мне по-прежнему верно и добросовестно помогает Ленхен. Спросите о ней Вашего мужа, он Вам скажет, какое это для меня сокровище. В течение шестнадцати лет она делила с нами и радость и горе.

В прошлом году у нас были ужаснейшие неприятности из-за гнусных нападок «округленной натуры», из-за подлого поведения всей немецкой, американской и прочей прессы. Вы не поверите, сколько бессонных ночей и забот причинила нам эта история [1]. Процесс против «National-Zeitung» («Национальной газеты») стоил много денег, а когда Карл

---

[1] Речь идет о клеветнической кампании против Маркса, которую вели на протяжении 1860 г. мелкобуржуазный демократ Фогт и его клика на страницах немецких, швейцарских, французских и американских газет. Ответом на эти нападки явилось произведение Маркса «Господин Фогт», вышедшее в свет в ноябре 1860 года. *Ред.*

закончил книгу, он не мог найти издателя. Он вынужден был напечатать ее на свой счет (25 фунтов стерлингов), а теперь, когда она вышла, подлая, трусливая, продажная печать ее замалчивает. Меня бесконечно радует, что книга Вам понравилась. Ваше суждение о ней почти буквально совпадает с мнением всех наших друзей. Преднамеренное молчание печати препятствует, конечно, такому блестящему сбыту книги, какого мы вправе были ожидать. Ну, что же, пока для нас достаточно того, что книга получила полное одобрение всех значительных людей. Даже противники и враги признают, что книга представляет весьма значительный интерес. Бухер назвал ее кратким руководством по современной истории, а Лассаль пишет, что чтение этого произведения искусства доставило неописуемое наслаждение ему и его друзьям, которые не перестают восхищаться остроумием книги. Энгельс считает, что это лучшая книга Карла, такого же мнения и Лупус. Со всех сторон сыплются поздравления, даже старинный враг Руге назвал ее «забавной штукой». Хотелось бы знать, наблюдается ли и в Америке подобное же замалчивание книги. Это было бы просто возмутительно, тем более, что для ничтожной лжи и клеветы были предоставлены столбцы всех газет. Быть может, Ваш муж мог бы предпринять что-либо для распространения книги.

Едва успела я переписать рукопись — она была еще в печати,— как вдруг почувствовала себя очень плохо. У меня начался страшнейший жар, пришлось послать за врачом. Он пришел 20 ноября, долго и озабоченно осматривал меня и после продолжительного молчания сказал следующее: «Дорогая госпожа Маркс, с огорчением должен сказать Вам, что у Вас оспа; дети должны немедленно покинуть дом».— Можете себе представить ужас и горе всего дома при этих словах! Что делать? Либкнехты бесстрашно предложили детям приют, и уже среди дня девочки, нагруженные своими маленькими пожитками, отправились в изгнание.

Мне с каждым часом становилось хуже, появились ужасные признаки оспы. Я очень, очень много выстрадала. Сильные жгучие боли лица, абсолютная бессонница, смертельный страх за Карла, который с величайшей нежностью ухаживал за мной, наконец, потеря всех внешних чувств, тогда как внутреннее чувство, сознание, оставалось все время ясным. Я лежала у открытого окна, чтобы меня все время

обвевал холодный ноябрьский ветер. При этом жарко натопленная печь, лед на пылающих губах и от времени до времени несколько капель вина. Я уже едва могла глотать, слух все слабел, наконец, закрылись глаза — и я не знала, не настала ли для меня вечная ночь!

Однако мой организм победил, нежнейший и преданнейший уход сделал свое дело, и вот я теперь снова сижу совершенно здоровая, но с обезображенным лицом, со шрамами темнокрасного цвета вроде теперешнего модного цвета маджснты. Только в сочельник бедные дети смогли вернуться в родительский дом, по которому они страшно тосковали. Первое свидание было неописуемо трогательно. Девочки были глубоко потрясены и с трудом сдерживали слезы, увидев меня. Пять недель назад я еще вполне прилично выглядела рядом с моими цветущими девочками. У меня, как это ни удивительно, не было седых волос и зубы и фигура тоже еще остались хорошими, так что меня считали хорошо сохранившейся — и вот теперь всему этому пришел конец! Я сама себе казалась диковинным зверем, которому место скорее в зоологическом саду, чем среди представителей кавказской расы. Однако, не пугайтесь: теперь вид мой не столь ужасен и шрамы начинают заживать.

Не успела я подняться с постели, как заболел мой милый, дорогой Карл. Чрезмерный страх, всякого рода заботы и муки свалили его с ног. Впервые его хроническая болезнь печени приняла острый характер. Но после четырех недель страданий он, слава богу, поправился. Тем временем «Tribune» опять перевела нас на половинную оплату. Вместо того чтобы получить что-нибудь за книгу, пришлось платить по векселю. К тому же огромные расходы при этой ужаснейшей из всех болезней. Словом, Вы можете себе представить, какова была для нас эта зима.

В результате всех этих историй Карл решил сделать налет на Голландию, страну предков, табака и сыра. Он хочет попытаться выманить у дяди немного денег. Таким образом, в настоящую минуту я — соломенная вдова и жду, удастся ли великая голландская экспедиция. В субботу получила первое, несколько обнадеживающее письмо с шестьюдесятью гульденами. Конечно, такое дело быстро не делается: нужно лавировать, быть дипломатом и действовать осмотрительно. Я все же надеюсь, что Карл соберет с этой земли солидную дань.

Как только Карл добьется некоторого успеха в Голландии, он сделает маленькую тайную вылазку в Берлин, чтобы прощупать почву и по возможности организовать ежемесячник или еженедельник. Опыт последнего времени достаточно убедил нас в том, что без своего органа обойтись невозможно. Если Карлу удастся создать новый партийный орган, он напишет, конечно, Вашему мужу и попросит его присылать корреспонденции из Америки.

Не успел Карл уехать, как заболела наша верная Ленхен и до сих пор еще лежит в постели. Сейчас она поправляется. У меня поэтому куча дел и я кончаю это письмо в величайшей спешке. Но я не хотела и не могла молчать. Мне стало легче на душе, когда я рассказала все нашим самым старым и верным друзьям. Поэтому я не прошу у Вас извинения за то, что так подробно обо всем и обо всех написала. Перо так и бегало у меня под рукой, и я надеюсь и желаю только, чтобы эти наспех написанные строки доставили Вам хоть частицу той радости, которую испытала я при чтении Вашего письма. Дело с векселем я сейчас же устроила и все уладила так, как если бы мой господин и повелитель был здесь.

Мои девочки сердечно кланяются Вашим милым детям и целуют их — одна Лаура целует другую,— а я мысленно целую каждого из них. Вам, мой дорогой друг, я шлю сердечнейший привет. Будьте мужественны и стойки в тяжелые дни. Мужественным принадлежит мир. Оставайтесь твердой, верной опорой Вашего мужа, будьте крепкой духом и телом, будьте верным, не требующим чрезмерного почтения товарищем Ваших милых детей и при случае снова дайте знать о себе.

Ваш искренний друг

Женни Маркс.

ЭЛЕОНОРА МАРКС-ЭВЕЛИНГ

КАРЛ МАРКС

(Беглые заметки)

Мои австрийские друзья хотят получить от меня воспоминания о моем отце. Более трудной задачи они не могли бы мне поставить. Но австрийские рабочие и работницы так блестяще борются за дело, которому посвятил всю свою жизнь и деятельность Карл Маркс, что я не могу отказать им в этом. Итак, я попробую послать им несколько беглых, разрозненных заметок о моем отце...

Для знавших Карла Маркса нет более забавной легенды, чем та, которая обычно изображает его угрюмым, суровым, непреклонным и неприступным человеком, чем-то вроде Юпитера-громовержца, вечно мечущего молнии, без единой улыбки на устах, одиноко и неприступно восседающего на Олимпе. Подобное изображение самого живого и самого веселого из всех когда-либо живших людей, человека с бьющим через край юмором и жизнерадостностью, человека, искренний смех которого был заразителен и неотразим, самого приветливого, мягкого, отзывчивого из товарищей, являлось постоянным источником удивления и забавы для всех, знавших его.

В семье, как и в отношениях к друзьям и даже просто к знакомым, главной характерной чертой Карла Маркса можно, пожалуй, считать его неизменно веселое расположение духа и его безграничную отзывчивость. Его доброта и терпение были поистине изумительные. Менее терпеливого человека выводили бы из себя люди, постоянно отрывавшие его от работы и обращавшиеся к нему с просьбами. Не характерно ли для его вежливости и доброты, что однажды один из эмигрантов Коммуны (между прочим, не-

К. Маркс, Ф. Энгельс и дочери Маркса — Женни, Элеонора и Лаура
(60-е годы)

выносимо надоедливый человек) в течение трех смертельно скучных часов не давал Марксу работать, и когда ему, наконец, сказали, что время не терпит и дела еще много, он ответил на это: «Милый Маркс, я вас извиняю...» И как по отношению к этому надоедливому человеку, так и по отношению ко всякому, кого он считал честным человеком (а он нередко отдавал свое драгоценное время людям, весьма злоупотреблявшим его великодушием), Маркс всегда был самым благожелательным и добрым из людей.

Его уменье подойти к людям, дать им почувствовать, что он интересуется всем тем, что интересует их, было удивительно. Я слышала, как люди самых различных положений и профессий говорили о его особой способности понимать их и разбираться в их делах.

Когда он думал, что человек действительно серьезно к чему-нибудь стремится, его терпению не было границ. Никакой вопрос не казался ему тогда недостойным ответа, никакое доказательство — слишком ребяческим для серьезного спора. Его время и его обширные познания были всегда к услугам каждого, кто выказывал стремление научиться чему-нибудь.

* * *

Но, мне кажется, всего милее Маркс был в общении с детьми. Да, дети никогда не имели лучшего товарища в играх!

Мое самое раннее воспоминание о нем относится к тому времени, когда мне было около трех лет, и Мавр (старое семейное прозвище его так и срывается у меня с языка) носил меня на плечах по нашему садику на Графтентеррес и вплетал в мои темные локоны цветущий вьюнок.

Мавр, по общему признанию, был великолепной лошадью. В давние времена — я этого не помню, но мне об этом рассказывали — мои сестры и мой маленький брат, смерть которого тотчас же после моего рождения была для моих родителей в течение всей их жизни источником глубокого горя, «запрягали» Мавра в стулья, сами садились на них и заставляли его возить их.

Я же лично, может быть, потому, что у меня не было сестер моего возраста, предпочитала Мавра в качестве верховой лошади. Сидя на его плечах, запустив руки в его

густую гриву, тогда еще черную, лишь с редкой проседью, я с восторгом мчалась галопом по нашему маленькому садику и по не застроенным тогда еще лугам, которые окружали наш дом на Графтентеррес.

Еще только несколько слов об имени «Мавр». В нашем доме у всех были прозвища (читатели «Капитала» знают, с каким уменьем Маркс давал их). «Мавр» было обычное, почти официальное имя, которым звали Маркса не только мы, но и все близкие друзья. Он был также нашим Чали (образовалось, вероятно, от искаженного Чарли, то есть Карла) и «Old Nick» (леший).

Моя мать была всегда наша «Мэмэ».

Наш дорогой друг Елена Демут — неизменный друг моих родителей — после того, как ей сперва надавали множество других прозвищ, стала нашей «Ним».

Энгельс после 1870 года стал нашим «Генералом».

Лина Шёлер, наш ближайший друг, была нашим «Old mole» (старый крот).

Моя сестра Женни — «Кви-Кви — император Китая» и «Ди».

Моя сестра Лаура (жена Лафарга) — «Готтентот» и «Какаду».

Я называлась Тусси — это имя так и осталось за мной — и «Кво-Кво — китайский принц», а долгое время также и «Карликом Альберихом» (из «Песни о Нибелунгах»).

Но хотя Мавр и был отличной лошадью, он все же обладал и еще более высокой квалификацией. Он был единственным в своем роде и непревзойденным рассказчиком сказок.

Я часто слышала от своих теток, что в детстве Мавр был страшным тираном своих сестер; он гонял их в качестве лошадок галопом с Маркусберга в Трире, и, что было еще хуже, он настаивал на том, чтобы они ели «пирожки», которые он сам изготовлял из грязного теста грязнейшими руками. Но они безропотно позволяли погонять себя и съедали «пирожки» за те сказки, которые рассказывал им в награду за их хорошее поведение Карл.

Много-много лет спустя Маркс рассказывал сказки своим детям. Моим сестрам (я тогда была еще очень мала) он рассказывал сказки во время прогулок, и эти сказки делились не на главы, а на мили. «Расскажи нам еще одну милю»,— требовали обе девочки.

Что касается меня, то из всех бесчисленных чудесных историй, которые рассказывал мне Мавр, самой чудесной, самой восхитительной была сказка «Ганс Рёкле». Она длилась месяц за месяцем; это была целая серия сказок. Жаль, что некому было записать эти сказки, столь насыщенные поэзией, остроумием, юмором!

Ганс Рёкле — волшебник типа героев Гофмана. У него была игрушечная лавка, и денежные дела его всегда были запутанны. Его лавка была полна чудесных вещей: деревянные куклы, великаны и карлики, короли и королевы, рабочие и хозяева, четвероногие животные и птицы — в таком же большом количестве, как и в ноевом ковчеге, столы и стулья, экипажи и ящики всех видов и размеров. Но, несмотря на то, что он был волшебником, он все же никогда не был в состоянии уплатить свои долги ни дьяволу, ни мяснику и потому был вынужден, совершенно против своего желания, постоянно продавать свои игрушки дьяволу. Однако после многих удивительных приключений все эти вещи потом всегда возвращались в лавку Ганса Рёкле.

Некоторые из этих приключений были так же страшны, так же ужасны, как и сказки Гофмана, другие же были забавны, но все они рассказывались с неистощимым остроумием, живостью и юмором.

Мавр имел также обыкновение читать своим детям вслух. Как и моим сестрам до меня, он прочел мне всего Гомера, всю «Песнь о Нибелунгах», «Гудрун», «Дон Кихота», «Тысячу и одну ночь» и т. д. Что касается произведений Шекспира, то они были настольной книгой в нашем доме, всегда у нас в руках или на устах; шести лет я уже знала наизусть целые сцены из Шекспира.

Когда мне исполнилось шесть лет, Мавр впервые подарил мне ко дню моего рождения роман — бессмертного «Петра Простака» [1]. Потом последовали полные собрания сочинений Марриэта и Купера, и мой отец читал со мной все эти повести и совершенно серьезно обсуждал их содержание со своей дочуркой. И когда маленькая девочка, воодушевленная морскими рассказами Марриэта, объявила, что она тоже хочет сделаться «капитаном корабля» (не вполне понимая, что это значит), и спросила отца, нельзя ли ей «одеться мальчиком» и «сбежать, чтобы наняться на

[1] — роман английского писателя Ф. Марриэта. *Ред.*

военное судно», тот уверял ее, что это, конечно, вполне возможно, не нужно только никому говорить об этом ни слова, пока планы не созреют вполне.

Однако прежде чем созрели эти планы, пришло увлечение Вальтером Скоттом, и маленькая девочка, к своему ужасу, узнала, что сама находится в отдаленном родстве с ненавистным родом Кампбелл. Затем возникли планы подготовки восстания в Горной Шотландии и повторения «45-го года» (1745 г.)[1]. Я должна прибавить, что Маркс постоянно перечитывал Вальтера Скотта; он восхищался им и знал его так же хорошо, как Бальзака и Филдинга.

Беседуя со своей дочуркой об этих и многих других книгах, он указывал ей, но так, чтобы она этого не замечала, как находить самое красивое и лучшее в этих произведениях, и, хотя она и не сознавала, что ее учат,— а то бы она стала противиться этому,— он учил ее думать и понимать.

Таким же точно образом этот «суровый и озлобленный» человек беседовал с маленькой девочкой о политике и религии. Я великолепно помню, как однажды, когда мне было около пяти или шести лет, у меня возникли религиозные сомнения (мы слушали в католической церкви прекрасную музыку, которая произвела на меня сильное впечатление), и я, конечно, поделилась ими с Мавром. Он объяснил мне все так ясно и убедительно, что с того часа и по сей день у меня больше не возникало сомнений.

А как врезался мне в память его рассказ о плотнике, убитом богачами; я не думаю, чтобы кто-либо до него или после него так рассказывал об этом!

Маркс мог бы сказать: «Пустите детей и не возбраняйте им приходить ко мне», так как, куда бы он ни шел, около него появлялись дети. Сидел ли он на Хэмпстедских холмах — обширном, открытом пространстве к северу от Лондона, недалеко от нашего старого дома,— либо в одном из парков, его тотчас же окружали дети, питавшие самые приятельские и искренние чувства к большому человеку с длинными волосами, большой бородой и добрыми карими глазами. Совершенно незнакомые дети подходили к нему и часто останавливали его на улице.

---

[1] Речь идет о романе Вальтера Скотта «Уэверлей», в котором нашли отражение события 1745 г. в Шотландии — восстание против английского господства. *Ред.*

Мне вспоминается, как однажды маленький школьник, лет десяти, запросто остановил «грозного» вождя Интернационала в Мейтленд-парке и предложил ему «Swop knives» («Давай меняться ножами»). После того как он объяснил Марксу, что «swop» на языке школьника означает «менять», оба вытащили свои ножи и сравнили их. У мальчика нож был только с одним лезвием, а у Маркса с двумя, но явно тупыми. После долгих споров сделка была заключена, ножи обменены, и «страшный» вождь Интернационала дал еще пенни в придачу, так как его нож был уж очень туп.

Я помню также, с каким бесконечным терпением и кротостью Мавр отвечал на все мои вопросы, когда рассказы об американской войне [1] и Синие книги вытеснили на некоторое время Марриэта и Вальтера Скотта. Никогда Мавр не жаловался на то, что я его отвлекаю от работы, хотя ему, должно быть, очень мешало присутствие вечно болтающей малютки, когда он работал над своим великим произведением. Но он никогда не допускал, чтобы у ребенка зародилась мысль, будто он является помехой отцу. В то время — я это хорошо помню — у меня было непоколебимое убеждение, что президент Соединенных Штатов Америки Авраам Линкольн никак не сможет обойтись без моих советов в военных делах, и поэтому я писала ему длинные письма, которые Мавр должен был, конечно, читать и «относить на почту». Много-много лет спустя он показывал мне эти детские письма, которые он сохранил, ибо уж очень они были забавны.

Таким идеальным другом был Мавр в продолжение моих детских и юношеских лет.

Дома мы все были хорошими товарищами, но он всегда был самым милым и веселым. И он оставался таким даже в те годы, когда он так много страдал из-за карбункулов, таким он был до самой смерти.

* * *

Я набросала эти отрывочные воспоминания, но они были бы совершенно неполны, если бы я не сказала не-

---

[1] — о гражданской войне в США между Северными и Южными штатами в 60-х годах XIX века. *Ред.*

сколько слов о моей матери. Не будет преувеличением, если я скажу, что без Женни фон Вестфален Карл Маркс никогда не мог бы стать тем, кем он был. Никогда еще две жизни — и обе такие замечательные — не были так тесно связаны, дополняя одна другую.

Женни фон Вестфален выделялась из тысяч своей необычайной красотой — красотой, которой Маркс всегда восхищался и гордился и которая приводила в восторг таких людей, как Гейне, Гервег и Лассаль,— своим умом и остроумием, столь же блестящими, как и красота ее.

Маленькими детьми Карл и Женни играли вместе; юношей и девушкой — он 17, она 21 года — они были помолвлены, и как Иаков за Рахиль, так и Маркс «отрабатывал» семь лет прежде чем женился на Женни. Затем во все последующие годы, полные бури и натиска, изгнания, крайней бедности, клеветы врагов, суровой и отважной борьбы, эти два человека вместе с их верным и надежным другом Ленхен Демут бодро и бесстрашно боролись с целым миром, всегда на опасном посту, куда призывал их долг. Поистине Маркс мог бы сказать словами английского поэта Броунинга:

> Ни случай не может любовь изменить,
> Ни время — ослабить ее.

Я думаю, что почти так же крепко, как преданность делу рабочих, их связывала и безмерная жизнерадостность. Никому шутка и острота не доставляли такого удовольствия, как им.

Очень часто, особенно когда обстоятельства требовали соблюдения приличий и сдержанности, я видела, как они смеялись до того, что слезы текли по их щекам, и тем, которые пытались было морщить нос по поводу такого легкомыслия, оставалось лишь смеяться вместе с ними. И как часто я видела, что они боялись смотреть друг другу в лицо, так как знали, что один-единственный взгляд вызовет неудержимый взрыв хохота. Видеть этих двух людей, когда они, словно школьники, устремляют свои взоры на что угодно, только не друг на друга, задыхаясь от подавляемого смеха, который в конце концов все же, несмотря на все усилия, прорывался с неудержимой силой,— это такое воспоминание, какого я не променяла бы ни на что. Да, несмотря на все страдания, борьбу, разочарования, они были

веселой четой, и «озлобленный Юпитер-громовержец» — лишь плод воображения господ буржуа.

Если за годы борьбы они испытали не одно горькое разочарование, если они и встречали черную неблагодарность, они все же имели то, что дано немногим,— верных друзей.

Там, где известно имя Маркса, известно и имя Фридриха Энгельса. А кто знал Маркса в его домашней обстановке, тот вспоминает и имя благороднейшей из женщин, славное имя Елены Демут.

Тем, кто посвятил себя изучению человеческой природы, не покажется странным, что человек, бывший таким непреклонным борцом, мог быть в то же время добродушнейшим и нежнейшим из всех людей. Они поймут, что он потому и умел так остро ненавидеть, что был способен так глубоко любить; что если его язвительное перо могло так прочно засадить кого-нибудь в ад, как это было под силу только Данте, то лишь потому, что он был таким преданным и нежным; что если его саркастический юмор мог разъедать, как кислота, то тот же самый юмор успокаивал нуждающихся и угнетенных.

Моя мать умерла в декабре 1881 года. Через 15 месяцев последовал за нею тот, кто всю свою жизнь не разлучался с ней. После жизни, полной тревог, они отошли на покой. Если она была идеальной женщиной, то

Он человек был, человек во всем,
Ему подобных мне уже не встретить.

ЭЛЕОНОРА МАРКС-ЭВЕЛИНГ

ЗАМЕТКИ К ПИСЬМУ МОЛОДОГО МАРКСА [1]

Карлу было 17 лет, когда он обручился с Женни. Жизненный путь верной любви уже с первых шагов был не лишен терний. Вполне понятно, что родители Карла восстали против «обручения» юноши такого возраста... Усердие, с которым он уверяет своего отца в любви к нему, несмотря на некоторые разногласия, объясняется весьма бурными сценами, которые разыгрались в связи с этим дома. Мой отец говаривал, что он был в ту пору настоящим неистовым Роландом. Но скоро дело было улажено и накануне, или вскоре после того, как ему минуло 18 лет, «помолвка» состоялась официально. Целые семь лет ждал Карл свою прекрасную Женни, «и они показались ему за несколько дней, потому что он любил ее».

19 июня 1843 года они повенчались. Они вместе играли еще будучи детьми, в юношеские годы обручились, а теперь они мужественно, рука об руку, пошли навстречу жизненной борьбе.

И какой борьбе! Годы горькой гнетущей нужды и, что еще хуже, годы жестоких подозрений, гнусной клеветы, ледяного равнодушия. Но посреди всего этого, и в несчастье и в счастье, на протяжении всей жизни их связывала любовь и дружба, они не знали ни колебаний, ни сомнений и были верны друг другу до гроба. И даже смерть не разлучила их.

---

[1] Написаны в связи с публикацией письма молодого Маркса к отцу от 10 ноября 1837 года (см. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Из ранних произведений, 1956, стр. 6—16). *Ред.*

Всю свою жизнь Маркс не только любил, но был влюблен в свою жену. Передо мной лежит любовное письмо, оно пылает такой огненной страстью, точно писал его 18-летний юноша; а ведь Маркс писал его в 1856 году, после того, как Женни родила ему шестерых детей. Когда в 1863 году смерть матери отозвала его в Трир, он писал оттуда: «Каждый день хожу на поклонение святым местам — старому домику Вестфаленов (на Римской улице): этот домик влечет меня больше, чем все римские древности, потому что он напоминает мне счастливое время юности, он таил когда-то мое самое драгоценное сокровище. Кроме того, со всех сторон, изо дня в день, меня спрашивают, куда девалась первая красавица Трира и царица балов. Чертовски приятно мужу сознавать, что жена его в воображении целого города продолжает жить как зачарованная принцесса».

Маркс был сильно привязан к своему отцу. Он без устали о нем рассказывал и всегда носил при себе его фотографию, снятую со старинного дагерротипа. Но незнакомым людям он не хотел ее показывать: он говорил, что она очень мало похожа на оригинал. Лицо казалось мне очень красивым, глаза и лоб те же, что и у сына, но линии вокруг рта и подбородка мягче; во всем — печать ярко выраженного красивого еврейского типа. Когда Карл Маркс после смерти своей жены предпринял длинное печальное путешествие, чтобы восстановить потерянное здоровье,— так как он хотел завершить дело своей жизни,— ему сопутствовали всюду эта фотография его отца, старая фотография моей матери на стекле (в футляре) и карточка моей сестры Женни; когда Маркс умер, они оказались у него в боковом кармане. Энгельс положил их с ним в гроб.

ЭДГАР ЛОНГЕ

НЕКОТОРЫЕ СТОРОНЫ СЕМЕЙНОЙ ЖИЗНИ КАРЛА МАРКСА [1]

В этом очерке семейной жизни Карла Маркса мне хотелось бы поделиться некоторыми личными воспоминаниями. К сожалению, эти личные воспоминания очень затуманены отдаленностью времени и особенно тем фактом, что когда я в последний раз видел моего деда, мне было всего три года.

Но любопытно, что среди стольких событий, происшедших в жизни, некоторые факты, неизвестно почему, навсегда запечатлеваются в памяти.

Так, у меня все-таки сохранилось очень ясное воспоминание об одной прогулке с дедушкой и братом Жаном в лесах Шампру, которые в 1882 году придавали Аржантёю, с его спаржевыми полями и виноградниками, вид отдаленной деревни. Маркс гостил в Аржантёе у моих родителей в июле 1882 года, так как со времени возвращения из изгнания в конце 1880 года моего отца, Шарля Лонге, бывшего члена Коммуны, мои родители жили в этих местах.

Я не в обиде на моего деда за ту нелестную, но, боюсь, совершенно заслуженную репутацию, которую он создал мне в мои очень юные годы. Когда мне было примерно полтора года, я был, по-видимому, страшным лакомкой, и этот мой грех послужил поводом к прозвищу «Wolf» («Волк»), которое дал мне мой дед. Маркс назвал меня так потому,

---

[1] Эти заметки были написаны членом Французской коммунистической партии Эдгаром Лонге — внуком Маркса (сыном его дочери Женни и Шарля Лонге) в марте 1949 г., к 66-й годовщине со дня смерти Карла Маркса. *Ред.*

что однажды меня застали уписывающим за обе щеки сырую почку, которую я принял за шоколад и которую, несмотря на ошибку, продолжал уплетать.

Впрочем, в письме к моей матери он смягчил свое суждение обо мне:

«Привет Джонни, Гарри» (мой второй брат) «и милому «Волку» (он действительно чудесный мальчик)».

Позднее я вернусь к отношениям Маркса с его внуками, а сейчас я хочу кратко описать семейную жизнь Карла Маркса, оставляя в стороне его политическую деятельность.

* * *

Напомню кратко, что Маркс родился в Трире в 1818 году, вскоре после того как кончилась аннексия этого города Францией.

Его отец, по происхождению еврей, потомок целого ряда раввинов, перешел в протестантство, что, по его мнению, должно было облегчить ему занятие адвокатурой.

В восемнадцать лет Маркс обручился с Женни фон Вестфален, которая считалась «самой красивой девушкой Трира». Она была из семьи брауншвейгского происхождения.

Я пропускаю всю первую часть жизни моего деда, которая хорошо известна в политическом отношении, и напомню только, что, приехав в Париж в 1843 году, он был выслан оттуда в январе 1845 года (во время его пребывания в Париже родилась моя мать, которая, следовательно, по рождению была парижанкой).

Затем он жил в Брюсселе, откуда был снова изгнан, вернулся в Париж 5 марта 1848 года, куда он был приглашен Флоконом от имени временного правительства, образовавшегося 24 февраля.

Он покинул Париж и уехал в Германию в апреле, после того как убедился, что февральская революция, совершенная пролетариатом, опять дала возможность буржуазии захватить власть и использовать ее против рабочего класса.

Там он поднял знамя революции и вел ожесточенную борьбу до того дня, когда восторжествовавшая реакция снова заставила его отправиться в изгнание.

Приехав в Париж в начале июня 1849 года, он оказался там в момент созыва Законодательного собрания, в большинстве своем состоявшего из монархистов.

Но очень скоро он получил любезное предложение покинуть город в 24 часа. Тогда он отправился в конце августа 1849 года в Англию, и в этой стране, которая *в то время* была убежищем для изгнанников всего мира, он прожил до самой смерти, т. е. в течение тридцати четырех лет. И прежде всего я должен отметить, что, если, несмотря на страдания, причиняемые в течение продолжительного времени плохим здоровьем (болезнь печени, приступы астмы, часто повторяющийся фурункулез), и материальную нужду, в которой находился Маркс, он смог довести до конца предпринятый им труд, то этим он обязан Фридриху Энгельсу.

Дружба Энгельса и Маркса заслуживает того, чтобы войти в историю, как старинная легенда об Оресте и Пиладе [1].

В самом деле, бо́льшую часть своей жизни Энгельс был вынужден вести торговые дела фирмы своего отца в Манчестере, где она находилась, и заниматься тем, что его крайне тяготило; он это делал исключительно для того, чтобы оказывать помощь Марксу и дать ему возможность завершить свой труд. И нет сомнения, что без Энгельса Маркс и его семья умерли бы с голоду.

Хочу сказать также несколько слов о другом человеке, который играл важную роль в жизни семьи Маркса. Речь идет о славной Елене Демут, которую в семье дружески называли Ленхен.

Поступив в возрасте восьми или девяти лет к моей прабабушке, баронессе фон Вестфален, она следовала за моей бабушкой всюду со времени ее замужества до самой ее смерти: в Париж, в Брюссель, в Лондон. На ее глазах рождались и умирали малыши, она пережила с семьей Маркса ужасы нищеты, голода и бедствий; она заботилась о детях, о друзьях, об изгнанниках без средств, доставала им хлеб, когда все было заложено в ломбарде, проводила ночи за шитьем, за стиркой, у постели больных. У меня сохранились о ней самые трогательные воспоминания.

---

[1] — образец верной дружбы в древнегреческих сказаниях. *Ред.*

Эта замечательная женщина вполне заслужила, чтобы ее похоронили вместе с Марксом, его женой и их внуком Гарри на Хайгетском кладбище в Лондоне.

НИЩЕТА ЭМИГРАНТОВ В ЛОНДОНЕ

А теперь я хотел бы коротко описать условия существования эмигрантов и их семей, приехавших в Лондон без всяких средств. Для Маркса и его семьи началась жизнь, полная нищеты, страданий и траура, и нельзя дать лучшего представления о ней, как сославшись на несколько строк из письма Маркса к Энгельсу, в котором Маркс пишет, что он не мог выносить ужасных ночей, когда его жена заливалась слезами...

Весной 1850 года в результате выселения из квартиры Маркс и его семья приютились сначала в меблированных комнатах на Лестер-сквер, затем немного позднее на Динстрит, где квартира была еще более бедная: одна комната и крошечная комнатушка, так что одно из этих двух помещений служило одновременно кухней, кабинетом и гостиной.

А испытаниям не было конца.

В 1851 году Маркс писал Энгельсу после рождения Франциски: «...Моя жена разрешилась от бремени 28 марта. Роды были легкие, но теперь она очень больна и скорее по причинам материального, чем физического свойства. При этом у меня в доме буквально нет ни гроша, зато тем большее количество счетов от мелких торговцев, мясника, булочника и т. п. ...

Ты согласишься, что все это вместе взятое — не очень приятное дело и что я по уши погряз в этой мелкобуржуазной тине. И вдобавок меня еще упрекают в том, что я эксплуатировал рабочих и стремился к диктатуре! Какой ужас!..»

А в письме от 8 сентября 1852 года Маркс пишет:

«Моя жена больна, Женнихен» (моя мать) «больна, у Ленхен нечто вроде нервной горячки. Врача я не мог и не могу позвать, не имея денег на лекарства. В течение 8—10 дней моя семья кормилась хлебом и картофелем, и сегодня еще сомнительно, смогу ли я достать и это».

В январе 1855 года появился на свет шестой ребенок. Его назвали Тусси (это была моя тетя Элеонора Эвелинг). Она была такая хилая, что каждый день ждали ее смерти.

А через несколько месяцев Маркс перенес одно из самых больших страданий в своей жизни. Его единственный сын Эдгар, его «Муш», «полковник Муш», умер у него на руках. В течение нескольких недель ребенок боролся со смертью, и в письмах Маркса сообщается то об улучшениях, то об ухудшениях в состоянии ребенка. Но в письме от 30 марта Маркс пишет Энгельсу, что «в конце концов болезнь приняла наследственный в моей семье характер воспаления полости живота, и, повидимому, даже врач потерял всякую надежду... У меня самого сердце обливается кровью и голова горит, хотя, конечно, я должен крепиться. Ребенка за все время болезни ни на минуту не покидает его оригинальный, приветливый и в то же время самостоятельный характер».

Это действительно был очень одаренный ребенок, и своей любовью к книгам он сильно походил на своего отца.

12 апреля 1855 года мой бедный дедушка писал Энгельсу:

«Дом, разумеется, совершенно опустел и осиротел со смертью дорогого мальчика, который оживлял его, был его душой. Нельзя выразить, как не хватает нам этого ребенка на каждом шагу. Я перенес уже много несчастий, но только теперь я знаю, что̀ такое настоящее горе. Чувствую себя совершенно разбитым. К счастью, со дня похорон у меня такая безумная головная боль, что не могу ни думать, ни слушать, ни видеть.

При всех ужасных муках, пережитых за эти дни, меня всегда поддерживала мысль о тебе и твоей дружбе и надежда, что мы вдвоем сможем сделать еще на свете что-либо разумное».

Несколько недель спустя моя бабушка, после смерти своей матери, получила в наследство несколько сотен талеров, и семья смогла, наконец, устроиться в более здоровой квартире на Графтен-сквер. У Маркса родился еще один ребенок, который очень рано умер.

Обстоятельства, при которых произошла эта смерть, были ужасны и произвели на моего деда такое трагическое впечатление, что он «несколько дней не мог прийти в себя».

А жизнь шла своим чередом, такая же тяжелая для Маркса и его семьи, но уже с меньшими горестями.

В течение нескольких лет сотрудничество Маркса в «New-York Daily Tribune» («Нью-йоркской трибуне») немного

улучшило его материальное положение, но затем нужда снова достигла таких размеров, что Маркс писал Энгельсу о своем намерении поручить детей друзьям, расстаться с Еленой Демут, поселиться с женой в меблированных комнатах и поискать место скромного кассира.

В 1863 году, после смерти своей матери, Маркс получил маленькое наследство, а немного позднее его старый друг Вильгельм Вольф, умирая, завещал ему свое небольшое состояние. Это дало возможность Марксу освободиться от всех своих долгов, включая и обязательства, которые он взял на себя в связи с «Neue Rheinische Zeitung» («Новой рейнской газетой») и, насколько позволяло ему здоровье, отдаться исключительно своей научной работе. Но состояние здоровья не улучшалось, и его жизнь много раз находилась в опасности.

Начиная с этого времени, не проходило года, чтобы у Маркса не было нарывов, карбункулов, к которым присоединялись страдания, вызванные болезнью печени.

ЗАМЕЧАТЕЛЬНАЯ ЖИЗНЬ, ПОЛНАЯ ТРУДА И БОРЬБЫ

Интересно проследить, каким образом Маркс, несмотря на свои материальные затруднения, несмотря на моральные и физические страдания, смог довести до конца свой гигантский труд.

Не желая слишком удлинять эти заметки, я ограничусь замечанием о том, что Маркс целые дни, с 10 часов утра до 7 часов вечера, работал в Британском музее (нечто вроде нашей Национальной библиотеки), рылся в Синих книгах, парламентских документах, экономических и социальных исследованиях и т. д., а дома проводил все ночи за работой.

Он не раз делал попытки обеспечить себе жизнь литературной работой, но обычно ему было невозможно найти издателей, а с другой стороны, Энгельс не мог допустить, чтобы Маркс терял время на второстепенную работу, и настаивал на том, чтобы он использовал все свободные минуты, посвящая их исключительно подготовке задуманного Марксом большого экономического труда, и с этой целью оказывал ему постоянную поддержку.

Но все же этой поддержки было недостаточно.

«Neue Rheinische Zeitung» [1] принесла Марксу только новые долги.

Вот почему с 1851 года он согласился сотрудничать в «New-York Daily Tribune»; это позволяло ему заниматься многочисленными исследованиями, которые, впрочем, частично входили в рамки его главного научного труда, и не подлежит сомнению, что его статьи явились очень серьезным вкладом во всеобщую и экономическую историю нового времени.

К сожалению, с финансовой точки зрения приблизительно только одна треть его статей оплачивалась. Что же касается двух других третей, то издатель, отказываясь печатать их, не считал себя обязанным их оплачивать.

Надо сказать, что Маркс с горечью соглашался на эту неблагодарную литературную работу, которая не давала ему возможности даже прокормить семью.

В 1852 году бо́льшая часть его времени была поглощена делами, связанными с арестом кёльнских и других членов Союза коммунистов и подготовляемым против них процессом.

Маркс работал не покладая рук вместе со своими лондонскими друзьями, чтобы доказать, что этот процесс был не более как махинацией со стороны полиции и правительства...

Нельзя, наконец, не отметить, что как раз в то время, когда Марксу угрожала гибель под тяжестью испытаний, он написал такое основательное, такое глубокое, такое прозорливое произведение, как «Восемнадцатое брюмера».

И это в тот период, когда Маркс не имел возможности выходить из дому, потому что его одежда была заложена в ломбарде.

А годы шли, все такие же тяжелые, с беспрестанными материальными трудностями, долгими днями болезни, периодами бешеной работы; но несмотря ни на что, великий труд подвигался вперед, труд борца, мыслителя, созидателя, ибо Маркс, далеко не ограничиваясь кабинетной работой, одновременно со своей огромной теоретической работой не-

---

[1] Имеется в виду «Neue Rheinische Zeitung. Politisch-ökonomische Revue» («Новая рейнская газета. Политико-экономическое обозрение»). *Ред.*

утомимо руководил Международным Товариществом Рабочих.

Несмотря ни на что, его дом, особенно дом в Мейтленд-парке (который не пощадили бомбы Гитлера), был убежищем всех эмигрантов, всех английских и иностранных борцов.

С детства у меня сохранилось воспоминание об атмосфере, царившей там, где Маркс жил со своей женой, которая, несмотря на свои горести, свои несчастья, всегда с доброй улыбкой встречала гостей, в большинстве своем эмигрантов, вместе со своими тремя дочерьми — Женни, Лаурой (позднее ставшей женой Поля Лафарга) и Элеонорой — тремя женщинами, замечательными своим умом и своей образованностью, каждая из которых заслуживает написания особой биографии.

Маркс, к которому его дочери относились с глубоким уважением, обожал детей, и можно себе представить, как тяжелы были для него утраты детей. Да, Маркс обожал детей и был с ними очень нежен и очень весел.

У этого мужественного борца в глубине сердца было сокровище мягкости, доброты и нежной преданности.

Он играл с детьми, как будто он сам был ребенком, не беспокоясь, что это отразится на его престиже.

На улицах квартала, где он жил, его звали «отцом Марксом», и у него всегда был сахар в кармане для угощения ребятишек.

Эту любовь к детям он позднее перенес на своих внуков. «Много раз целую тебя,— писал он моей матери,— и твоих малышей».

В каждом письме он говорит о них: «А теперь опиши мне подробно деяния Джонни и К°».

В одном письме, написанном в 1881 году, он рассказывает моей матери:

«Только что Тусси вместе с Энгельсом отвезли на извозчике в транспортную контору рождественские подарки для наших малышей. *Ленхен* просит, чтобы я специально указал, что *от нее* — одна курточка для Гарри» (умершего вскоре после Маркса), «одна для Эдди» (это я) «и шерстяная шапочка для Па» (мой брат Марсель); «затем для того же Па голубое платьице от *Лауры;* от меня — матросский костюм для моего дорогого Джонни. Мама так весело смеялась в один из последних дней своей жизни, рассказывая

Лауре, как мы с тобой и с Джонни поехали в Париж и там ему выбрали костюм, в котором он выглядел, как маленький «мещанин во дворянстве»».

Из всех нас он чаще всего видел у себя Жана, так как он был старший:

«Расскажи Джонни,— писал он в другом письме моей матери,— что, когда я вчера гулял в парке — нашем собственном Мейтленд-парке,— ко мне вдруг подошел величественный сторож парка, чтобы узнать новости о Джонни».

Он часто употреблял столь же оригинальные, сколь прекрасные выражения, когда говорил о своих внуках:

«А теперь поцелуй от меня много, много раз Джонни, Гарри и благородного «Волка». Что касается «великого незнакомца», то я не могу себе позволить такую фамильярность по отношению к нему». (Речь шла о моем брате Марселе, родившемся в апреле 1881 года, которого он еще не видал.)

Лучше всего любовь к внукам выражается в последней фразе одного его письма к своей дочери, написанного вскоре после смерти моей бабушки:

«Надеюсь прожить вместе с тобой много хороших дней и достойно выполнить свои обязанности дедушки».

Увы! Карл Маркс не смог осуществить этого желания.

Истощенный следовавшими одна за другой болезнями, уже крайне потрясенный смертью жены, тринадцать месяцев спустя, в январе 1883 года, он пережил страшное горе — смерть своей старшей дочери, моей матери Женни Лонге. Этот последний удар, завершивший долгие годы страданий и бедствий, привел 14 марта 1883 года к смерти гениального человека, который посвятил свою жизнь подготовке освобождения пролетариата и до последнего дыхания боролся за счастье людей.

Как сказал Фридрих Энгельс на его могиле:

«И имя его и дело переживут века!»

Печатается по сборнику
«Воспоминания о Марксе и Энгельсе»,
Госполитиздат, 1956 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Женни Маркс. Беглый очерк беспокойной жизни 3
Женни Маркс — Иосифу Вейдемейеру 21
Женни Маркс — Адольфу Клуссу *в Вашингтон* 26
Женни Маркс — Луизе Вейдемейер 29
Элеонора Маркс-Эвелинг. Карл Маркс *(Беглые заметки)* . . 36
Элеонора Маркс-Эвелинг. Заметки к письму молодого Маркса . 44
Эдгар Лонге. Некоторые стороны семейной жизни Карла Маркса 46

ВОСПОМИНАНИЯ О МАРКСЕ
ЖЕНЫ, ДОЧЕРИ И ВНУКА

Редактор *И. Луковцева*
Оформление художника *Н. Пешкова*
Художественный редактор *Н. Симагин*
Технический редактор *Н. Трояновская*
Ответственный корректор *В. Машкова*

*

Сдано в набор 5 марта 1958 г. Подписано в печать 27 марта 1958 г. Формат 84 × 108¹/₃₂. Физ. печ. л. 1³/₄ + (1 накидка) ¹/₈. Условн. печ. л. 2,87. Учетно-изд. л. 2,72. Тираж 100 тыс. экз. А 01267. Заказ № 3385. Цена 80 коп.

Государственное издательство политической литературы.
Москва, В-71, Ленинский проспект, 15.

Типография «Красный пролетарий» Госполитиздата Министерства культуры СССР. Москва, Краснопролетарская, 16.